

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Тольяттинский государственный университет»  
Институт права  
\_\_\_\_\_  
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»  
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция  
\_\_\_\_\_  
(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс  
\_\_\_\_\_  
(направленность (профиль))

## ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные проблемы квалификации преступлений против семьи и несовершеннолетних»

Студент

А.И. Мясникова

\_\_\_\_\_  
(И.О. Фамилия)

\_\_\_\_\_  
(личная подпись)

Научный  
руководитель

д-р. юрид. наук, профессор, В.К. Дуюнов

\_\_\_\_\_  
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)



Тольятти 2021



**Росдистант**  
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

## Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Общая характеристика, виды и сравнительно-правовой анализ преступлений против семьи и несовершеннолетних .....	8
1.1 Характеристика преступлений против семьи и несовершеннолетних.....	8
1.2 Виды преступлений против семьи и несовершеннолетних.....	12
1.3 Сравнительно-правовой анализ преступлений против семьи и несовершеннолетних.....	16
Глава 2 Анализ составов преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность (ст.ст. 150-151.2 УК РФ) .....	23
2.1 Объективные признаки преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность.....	23
2.2 Субъективные признаки преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность.....	48
Глава 3 Анализ составов преступлений, связанных с нарушением права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье (ст. 153-155 УК РФ) ....	59
3.1 Объективные признаки преступлений, связанных с нарушением права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье.....	59
3.2 Субъективные признаки преступлений, связанных с нарушением права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье.....	65
Глава 4 Анализ составов преступлений, связанных с невыполнением родителями и детьми своих обязанностей (ст.ст. 156, 157 УК РФ).....	69
4.1 Объективные признаки преступлений, связанных с невыполнением родителями и детьми своих обязанностей.....	69
4.2 Субъективные признаки преступлений, связанных с невыполнением родителями и детьми своих обязанностей.....	77
Заключение .....	79
Список используемой литературы и используемых источников.....	86

## Введение

Актуальность исследования. Семья – это важнейшая ячейка общества, его фундамент. Неблагополучные отношения в одной из семей приводят к прекращению здоровых общественно-семейных взаимоотношений. Семья воплощает в себе единство материальных и духовных потребностей человека, в ней формируются определенные традиции, а также происходит становление личности каждого индивида – будущего полноценного члена общества.

Различные отрасли отечественного права содержат в себе нормы, которые направлены на защиту семьи и несовершеннолетних от неправомерных воздействий на них, однако, уголовно-правовые способы осуществления такой защиты, опирающиеся на нормы иных отраслей права, представляются наиболее мощным средством из всех имеющихся.

Как представляется, любое цивилизованное государство в современном мире, а тем более, государство социальное, должно проявлять должную заботу о благополучии как общества в целом, так и отдельных индивидов его составляющих. В числе одних из наиболее значимых в данном контексте интересов, на защите которых должно стоять государство, являются интересы семьи и несовершеннолетних.

В соответствии с нормами Конституции РФ [24], материнство и детство находятся под защитой государства, что созвучно положениям международных нормативно-правовых актов, которые предусматривают, что каждый ребенок «имеет право на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства» [8].

Как отмечает Ю.В. Сокол, «современное отечественное законодательство исходит из принципов защиты детей и ответственности за нарушение прав несовершеннолетних» [56, с. 15].

В нормах уголовного законодательства, федеральный законодатель создаёт положения, обеспечивающие уголовно-правовую охрану отношений, призванных создать такие условия, которые способствовали бы сохранению и укреплению института семьи. Кроме того, усилия законодателя направлены на содействие полноценному физическому и нравственному развитию личности несовершеннолетнего. В этой связи действующий Уголовный кодекс Российской Федерации [75] (УК РФ) содержит в себе составы преступлений, направленных против интересов семьи и несовершеннолетних, за совершение которых предполагается возможность привлечения к уголовной ответственности.

В современных условиях проблематика изучения преступных деяний, направленных против семьи и несовершеннолетних является весьма и весьма актуальной. Это связано с тем, что сам характер обозначенной проблемы приобрел для общества и государства большое значение. Рассматриваемая проблема – это не только проблема чисто юридическая. Её следует рассматривать шире, как проблему социальную, создающую угрозу важнейшему социальному институту семьи, а также подрастающему поколению российских граждан. Сказанное обуславливает актуальность темы исследования в рамках магистерской диссертации.

Цель данной работы – анализ актуальных проблем уголовной ответственности за противоправные деяния против семьи и несовершеннолетних.

Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько важных задач:

- определить специфику преступлений против семьи и несовершеннолетних;
- обозначить виды преступлений против семьи и несовершеннолетних;
- выполнить сравнительно-правовой анализ преступлений против семьи и несовершеннолетних;

- произвести анализ составов преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность (ст.ст. 150-151.2 УК РФ);
- проанализировать составы преступлений, связанных с нарушением права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье (ст.ст. 153-155 УК РФ);
- рассмотреть составы преступлений, связанных с невыполнением родителями и детьми своих обязанностей (ст. 156, 157 УК РФ).

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в процессе противодействия совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Предмет исследования – уголовно-правовые нормы, а также материалы правоприменительной практики, направленные на эффективное противодействие совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Гипотеза исследования состоит в том, что совершенствование нормативного регулирования составов преступлений против семьи и несовершеннолетних будет способствовать усилению социальной защищённости, а также будет положительным образом влиять на правоприменительную практику противодействия неправомерным действиям, посягающим на базовые социальные ценности.

Методами исследования выступили– всеобщий диалектический метод познания, а также общие и частные методы научного исследования. Среди основных, можно выделить метод сравнительного анализа, логико-структурный анализ правовых норм, логический и аналитический метод и т.д.

Теоретическая основа исследования включает в себя учебную литературу, комментарии к действующему законодательству, монографии и многочисленные научные публикации.

Научная новизна исследования обусловлена комплексным подходом к исследованию проблематики темы исследования.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке научных положений, направленных на правильное толкование понятий и, как следствие, формирование правильных подходов к квалификации преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью совершенствования нормативной регламентации положений, касающихся противоправных деяний, направленных против семьи и несовершеннолетних

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с проблемами квалификации преступлений против семьи и несовершеннолетних получили свою разработку в трудах многих специалистов в области уголовного права, опубликованных как в советский период, так и в последние годы. Следует выделить работы таких учёных как: Дуюнов В.К., Красовская О.Ю., Пудовочкин Ю.Е., Худяков Е.А. и других авторов.

Нормативно-правовая основа магистерского исследования включает в себя положения Конституции Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, а также иные Федеральные законы и материалы правоприменительной практики.

К научным результатам, выносимым на защиту, относятся:

- Выказано предложение о дополнении существующего в ст. 151 УК РФ перечня видов антиобщественных действий таким, как азартные игры, путём внесения изменений в ст. 151 УК РФ. В новой редакции диспозиция ч. 1 ст. 151 УК РФ может выглядеть следующим образом: «Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие азартными играми на деньги или иное имущество, занятие

бродяжничеством, попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста».

- Представляется необходимым внести изменения в ст. 153 УК РФ для устранения неоднозначности в её толковании. Данное деяние следует именовать не «подмена ребёнка», а «подмена новорождённых детей», при этом, в диспозиции статьи также необходимо заменить аналогичным образом оборот «подмена ребёнка» на более точный оборот «подмена новорождённых детей».
- Выказано предложение о выделении в рамках ст. 155 УК РФ дополнительного квалифицирующего признака. Представляется, что способ разглашения тайны усыновления (удочерения) оказывает влияние на размер тех возможных негативных последствий, которые сопряжены с противоправным разглашением. В этой связи, представляется целесообразным в рамках ст. 155 УК РФ выделить ч. 2 следующего содержания: «2. То же деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»))».

Структура магистерской диссертации. Магистерская диссертация состоит из введения, четырёх глав, логически разделённых на отдельные параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

## **Глава 1 Общая характеристика, виды и сравнительно-правовой анализ преступлений против семьи и несовершеннолетних**

### **1.1 Характеристика преступлений против семьи и несовершеннолетних**

Российская Федерация, «взяв курс» на построение действительно правового и социального государства, обозначила в ряду приоритетов защиту интересов семьи и несовершеннолетних.

Реализация подобной задачи государства должна обеспечиваться не только соответствующей социальной, но и уголовной политикой, инструментом которой является уголовный закон «призванный адекватно реагировать на наиболее грубые случаи нарушения семейных отношений, прав и интересов несовершеннолетних, предупреждать распространение негативных явлений в семье и среди подростков» [26, с. 5].

Как отмечается в науке: «Семья, по определению социологов, является важным социальным и правовым институтом, уникальной общностью, которая лучше всех приспособлена к биопсихическим особенностям человека, именно в ней, при условии благоприятных отношений, реализуются его потребности» [10, с. 228].

Без сомнений, достоверно известно, что институт семьи представляет собой ключевую ячейку современного общества, что предопределяет усиленную защиту со стороны государства, призванного заботиться о своих гражданах. Сказанное нашло своё отражение в базовых международных нормативно-правовых документах. Подобную оценку приводят и зарубежные исследователи [93]-[98].

Всеобщая декларация прав человека [8] содержит положение о том, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» (п. 16 Декларации).



При этом, представляется вполне очевидным, что проявление со стороны государства заботы о несовершеннолетних, является фактическим проявлением заботы о будущем страны.

Международный пакт о гражданских и политических правах [30] указывает, что: «каждый ребенок без всякой дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального и социального происхождения, имущественного положения или рождения имеет право на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства» (п. 1 ст. 24 Пакта).

Аналогичные правовые положения закреплены и в ч. 1 ст. 2 Конвенции ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [23]

В рамках действующей в нашей стране Конституции РФ провозглашено:

- «1. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства.
2. Забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей.
3. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях» (ст. 38 Конституции РФ).

Нормальные и гармоничные условия для личностного формирования несовершеннолетнего, в значительной мере зависят от крепости и незыблемости института брака и, как следствие этого, семейного благополучия, гармонии внутрисемейных отношений. В этой связи вопрос охраны личности несовершеннолетнего тесно переплетается с вопросом охраны семейных отношений в целом, включая имеющиеся в арсенале уголовного права средства и способы.

Развивая и детализируя соответствующие положения Основного Закона страны, в преамбуле к Федеральному закону от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [87] законодателем заявлено, что «государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к

полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности».

При этом в ст. 4 данного нормативно-правового документа указано на приоритетность государственной политики в сфере поддержки, защиты и охраны интересов материнства, детства и семьи.

В этой связи, выделение в особенной части действующего УК РФ соответствующей главы 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» является закономерным и полностью оправданным.

Безусловно, противоправные посягательства на интересы семьи и несовершеннолетних членов общества должны эффективно пресекаться любыми доступными правовыми средствами, включая наиболее жёсткие меры уголовно-правового характера.

Направленность преступлений против семьи и несовершеннолетних находит своё отражение в объекте преступного посягательства.

Относительно данной категории, в науке говорят о родовом, видовом и непосредственном объекте. Как отмечается специалистами, «под родовым объектом понимается совокупность однородных общественных отношений, взятых под охрану уголовного закона» [62, с. 91].

Сведения о содержании родового объекта преступлений можно получить из наименования соответствующего раздела особенной части УК РФ, поскольку именно родовый объект выступает в качестве критерия распределения отдельных составов преступлений по соответствующим главам.

Для анализируемой нами категории преступлений против семьи и несовершеннолетних таковым выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность личности, её защиту от противоправных посягательств, с учётом нахождения главы 20 УК РФ в разделе VII «Преступления против личности».

Есть точка зрения, в соответствии с которой «под объектом преступления следует понимать личные, общественные или государственные ценности, под которыми понимаются разнообразные объекты материального мира, в том числе и сам человек, которые имеют существенное положительное значение для отдельных лиц, социальных групп и общества в целом» [89, с. 72]. Однако, в таком случае категория «родовой объект преступления» подменяется совершенно не тождественной с ней категорией «потерпевший», несмотря на то, что совершение конкретного преступления против личности, в конечном итоге, приводит к причинению вреда людям – индивидам.

В связи с этим, наиболее правильной точкой зрения представляется понимание родового объекта преступления, как совокупности однородных общественных отношений, о чём уже было сказано выше.

Видовым же объектом преступлений является относительно узкая группа общественных отношений, интересов и ценностей одного вида, что, в свою очередь, находит своё отражение в наименованиях конкретных глав особенной части УК РФ. Таким образом, в качестве видового объекта анализируемой нами группы преступлений выступают интересы семьи и несовершеннолетних.

При этом следует сказать о том, что в Уголовном кодексе РСФСР подобный подход обозначен не был – нормы, направленные на защиту интересов несовершеннолетних, были расположены в главе «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Об интересах семьи в УК РСФСР, по не вполне понятным причинам, законодатель не упоминал вообще.

Непосредственный объект – это, «конкретное общественное отношение, которое терпит ущерб в результате совершения определенного преступления» [62, с. 91].

Непосредственный объект, как видится, содержит в себе узко-конкретизированную специфику отдельных преступлений, направленных на

один и тот же родовой и видовой объект. Непосредственный объект преступления конкретизируется применительно к конкретным составам преступлений против семьи и несовершеннолетних, расположенным в главе 20 УК РФ.

Далее рассмотрим вопрос выделения отдельных видов преступлений против семьи и несовершеннолетних.

## **1.2 Виды преступлений против семьи и несовершеннолетних**

Как в уголовно-правовой науке, так и в правоприменительная практика, направленной на активное противодействие совершению преступлений, направленных против семьи и несовершеннолетних, следует констатировать наличие необходимости в формировании соответствующего классификационного подхода к осмыслению общности составов преступлений, предусмотренных главой 20 УК РФ.

Руководствуясь целями системного подхода к анализу соответствующих составов преступлений против семьи и несовершеннолетних, представляется необходимым выделить отдельные разновидности таких преступлений.

«Метод классификации – является одним из важнейших методов научного познания» [41, с. 251]– справедливо отмечается в науке.

В научных публикациях, посвящённых уголовно-правовой характеристике преступлений против семьи и несовершеннолетних приводятся разные мнения относительно классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Как верно отмечает А.Р. Акиев, «существование в научной литературе большого количества классификаций норм, включенных в главу 20 УК РФ, подчеркивает их спорность» [1, с. 64].

В основном, в качестве основания для классификации исследователи берут подход к определению непосредственного объекта данных

посягательств. В зависимости от этого, одни исследователи выделяют такие разновидности, как преступления, посягающие на интересы семьи, а также преступления, посягающие на интересы несовершеннолетних [63, с. 136].

Несколько иной классификации деяний главы 20 УК РФ предлагают Н.В. Вишнякова и О.Н. Расщупкина: «преступления, посягающие на нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних; преступления, посягающие как на нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних, так и на интересы семьи; преступления, посягающие на нормальные, установленные государством условия функционирования семейных отношений» [7, с. 57].

При этом, вопрос разграничения интересов семьи и интересов несовершеннолетних представляет собой проблему, с учётом того, насколько данные интересы тесно переплетены и взаимообусловлены.

Кроме того, единства мнений относительно непосредственного объекта преступлений, предусмотренных главой 20 УК РФ, также не способствует формированию единого подхода к выделению видов преступлений против семьи и несовершеннолетних на основе непосредственного объекта данных посягательств.

Помимо того, есть авторы, которые говоря о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, расширяют их перечень, выводя его за пределы главы 20 УК РФ. Опираясь на такую позицию, к таковым условно можно относить те составы преступлений, в которых в качестве квалифицирующего признака фигурирует несовершеннолетний возраст потерпевшего.

Приведём отдельные примеры таких деяний:

- истязание в отношении заведомо несовершеннолетнего (п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ);
- заражение венерической болезнью в отношении несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 121 УК РФ);

- заражение ВИЧ-инфекцией в отношении несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 122 УК РФ);
- похищение в отношении заведомо несовершеннолетнего (п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ);
- незаконное лишение свободы в отношении заведомо несовершеннолетнего (п. «д» ч. 2 ст. 127 УК РФ);
- торговля людьми в отношении несовершеннолетнего (п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ);
- использование рабского труда в отношении несовершеннолетнего (п. «б» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ) и т.д.

Также законодателем предусмотрена дифференцированная ответственность при посягательстве на половую свободу и неприкосновенность несовершеннолетних. В рамках ст. 131 и 132 УК РФ ответственность дифференцирована в зависимости от возраста, причём законодатель разделяет несовершеннолетних потерпевших в рамках этих составов на несколько категорий: от 0 до 14 лет, от 14 до 18 лет.

Однако, подобный классификационный подход для исследования преступлений против семьи и несовершеннолетних неоправданно расширяет круг составов, стирая границы между собственно преступлениями против семьи и несовершеннолетних и иными уголовно наказуемыми деяниями, совершёнными в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, наиболее приемлемым критерием для выделения соответствующих видов преступлений против семьи и несовершеннолетних представляется характер рассматриваемых преступных посягательств, на что указывается в учебнике под редакцией В.К. Дуюнова [62, с. 362].

Данный подход позволяет в большей мере абстрагироваться от непосредственного объекта данных преступлений, сделав акцент именно на характере посягательства.

С учётом входящих в содержания главы 20 УК РФ деяний, придание им структуры позволяет обеспечить более чёткое уяснение и систематизацию

в указанном направлении уголовно-правовой политики противодействия преступлениям в данной сфере.

С учётом сказанного, преступления против семьи и несовершеннолетних, обозначенные законодателем в главе 20 УК РФ можно разделить на следующие виды:

- а) преступления, связанные с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность (ст. ст. 150-151.2 УК РФ):
  - 1) ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»;
  - 2) ст. 151 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий»;
  - 3) ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции»
  - 4) ст. 151.2 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни.
- б) преступления, связанные с нарушением права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье (ст. ст. 153-155 УК РФ):
  - 1) ст. 153 УК РФ «Подмена ребенка»;
  - 2) ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)»;
  - 3) ст. 155 УК РФ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)».
- в) преступления, связанные с невыполнением родителями и детьми своих обязанностей (ст. ст. 156, 157 УК РФ):
  - 1) ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего»;
  - 2) ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей».

Подводя определённый итог, можно сделать вывод о том, что классификация преступлений главы 20 раздела VII УК РФ в юридической литературе не имеет своего окончательного разрешения.

Разнообразие взглядов на классификацию данных противоправных деяний закономерно, однако, без чёткой научной классификации вряд ли возможно достаточно глубоко и всесторонне проанализировать правовую природу преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Далее представляется целесообразным уделить внимание общему сравнительно-правовому анализу составов преступлений против семьи и несовершеннолетних в нормах зарубежного уголовного законодательства.

### **1.3 Сравнительно-правовой анализ преступлений против семьи и несовершеннолетних**

Представляется, что содержательному обогащению науки отечественного уголовного права может служить анализ положений зарубежного уголовного законодательства, а также зарубежных уголовно-правовых концепций. Сопоставление между собой сходных по направленности норм, а также отдельных правовых институтов может помочь исследователю выявить общие закономерности развития соответствующих правовых явлений, увидеть альтернативные подходы и реализацию альтернативных вариантов претворения в жизнь уголовно-правовых запретов.

Анализ и обобщение подобных данных может на примере решений зарубежного законодателя помочь в определении дальнейших перспектив совершенствования российских нормативно-правовых установлений, что очень важно.

Защите института семьи и несовершеннолетних в зарубежных странах уделяется внимание – здесь прослеживается общность позиции законодателя, что предопределяется значимостью объекта уголовно-правовой охраны.

При этом, в каждом государстве имеются свои особенности такого регулирования, в основе чего разница в устоях и этно-исторических условий развития общества.



Также нельзя исключать и влияние международных нормативно-правовых актов на регулирование вопросов уголовно-правового противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних в каждом конкретном государстве.

В первую очередь, необходимо заметить, что есть значительное сходство подходов к решению вопросов уголовно-правовой защиты семьи и несовершеннолетних на законодательном уровне между российским уголовным законодательством и уголовным законодательством ряда стран, входящих в советском прошлом в состав СССР.

Данная общность обусловлена общими истоками и традициями, объединявшими долгие годы различные народы данных стран в рамках союзного государства.

В Уголовных кодексах Грузии [66], Республики Молдова [72], Республики Таджикистан [73] глава, содержащая соответствующие составы, имеют идентичное УК РФ название.

Очень похожее наименование главы в Уголовном кодексе Республики Казахстан [71] – «Уголовные правонарушения против семьи и несовершеннолетних». В Уголовном кодексе Республики Армения [69] соответствующая глава названа «Преступления против семьи и интересов ребёнка». В Уголовном кодексе Азербайджанской Республики [65] законодатель именуется аналогичную главу «Преступления против несовершеннолетних и семейных отношений». В Уголовном кодексе Республики Беларусь [70] глава имеет название «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних» - аналогичное наименование имеет глава Уголовного кодекса Кыргызской Республики [68].

Законодатель Туркменистана объединяет в рамках единой главы «Преступления против несовершеннолетних, семьи и нравственности» [76]. Созвучна с данным подходом формулировка, использованная в Уголовном

кодексе Республики Узбекистан [74] – «Преступления против семьи, молодежи и нравственности».

Тем не менее, несмотря на определённые расхождения в подходах, можно сделать общий вывод о том, что во многих странах законодатель выделяет в отдельную группу противоправные деяния, посягающие на общественные отношения, связанные с семьёй и несовершеннолетними.

Что касается общей характеристики деяний, рассматриваемых зарубежным законодателем в качестве преступных и посягающих на семью и несовершеннолетних, то можно выделить как ряд сходных с составами преступлений по УК РФ аспектов, так и ряд отличных.

Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, а также в совершение антиобщественных действий предусмотрена в УК РФ многих стран: УК Республики Армения, УК Азербайджанской Республики, УК Республики Беларусь и т.д.

Конструирование данных составов в разных государствах имеет свою специфику. Например, в УК Эстонской Республики [79] в качестве отдельных составов рассматривается вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность или в занятие проституцией (ст. 202), вовлечение несовершеннолетнего в пьянство (ст. 201), вовлечение несовершеннолетнего в употребление лекарственных средств или других одурманивающих веществ в немедицинских целях (ст. 204).

Подмена ребёнка является также традиционным составом рассматриваемой группы преступлений в нормах зарубежного уголовного права. Так подобный состав выделяется в большинстве проанализированных нормативно-правовых документов. В УК Республики Армения предусмотрена ответственность за подмену ребёнка наряду с незаконным разлучением ребёнка с родителями (ст. 167); в УК Азербайджанской Республики данный состав именуется «Подмена чужого ребёнка» (ст. 172); в УК Республики Беларусь он сформулирован как «Умышленная подмена

ребёнка» (ст. 180); в УК Эстонской Республики – «Подмена или похищение ребёнка» (ст. 124) и т.д.

Как правило, присутствует специальный мотив или цель совершения данного преступления (корысть, месть, или иные низменные побуждения). Примечательно, что в УК Испании [67] какой-либо мотив совершения данного преступления в диспозиции статьи отсутствует.

Нормы, регламентирующие ответственность за незаконное усыновление или удочерение, а также разглашение тайны усыновления (удочерения) присутствуют во многих УК зарубежных стран.

В некоторых странах уголовная ответственность за незаконное усыновление (удочерение) может наступать только тогда, когда в основе такого преступления лежат низменные побуждения – корысть, месть и т.д. (УК Республики Таджикистан), в других же странах достаточно самого факта незаконных действий по усыновлению (удочерению) (УК Азербайджанской Республики, УК Республики Беларусь, УК Республики Казахстан и др.)

Сказанное обобщает ряд сходных моментов в регламентации вопросов ответственности за преступления, посягающие на институт семьи и несовершеннолетних. Тем не менее, законодатель ряда стран возводит в ранг преступления действия, не признаваемые таковыми в нормах других стран, в том числе в Российской Федерации.

В частности, в некоторых государствах есть уголовная ответственность за двоеженство и многоженство, понимаемое как фактическое сожительство мужчины с двумя или несколькими женщинами с ведением общего хозяйства – УК Кыргызской Республики (ст. 179); УК Республики Таджикистан (ст. 170).

Примечательно, что ответственность за фактическое сожительство женщины с двумя и более мужчин (двоемужество или многомужество) не предусмотрена ни в одном из проанализированных УК зарубежных государств. Вполне возможно, что патриархальный уклад, присутствующий в данных странах не допускает саму мысль о подобной форме организации

личной жизни, считая излишним формулирование подобного состава, как не имеющего распространения среди населения.

Тем не менее, для современного отечественного уголовного права столь жёсткий подход законодателя, считающего такого рода действия самым серьёзным видом правонарушения – преступления, представляется, как минимум, необычным. Ответственность за данного рода деяние была обозначена в ст. 235 УК РСФСР 1960 г. В последствии на территории РФ данное деяние было декриминализовано и утратило свойство преступности и наказуемости со стороны государства.

Примечательно, что в конструкции данных составов отсутствует указание на интимную связь между такими сожителями, а говорится лишь о сожительстве и ведении совместного хозяйства, что при буквальном толковании приводит к парадоксальному выводу о том, что состав преступления образует простое соседство в рамках одного жилого помещения мужчины и нескольких женщин, которые для общего удобства распределяют между собой обязанности по уходу за домом, уборке, стирке, приготовлению пищи и т.д.

Судя по всему, данный состав преступления был воспроизведён в УК Кыргызской Республики и Республики Таджикистан по тексту УК РСФСР. Тем не менее, такую практику подавляющее большинство законодателей стран, входивших до 1991 г. в состав СССР, не поддержало.

В отдельных странах также выделяется уголовная ответственность за инцест – то есть, интимную связь с близкими родственниками. Подобные нормы отсутствуют в УК РФ, равно, как и в УК стран СНГ, но имеются в ряде европейских стран.

УК Швейцарии [78] предусматривает ответственность за инцест. УК Федеративной Республики Германии [77], также включает в себя норму, устанавливающую ответственность за подобную форму сексуального взаимодействия, дифференцируя меру наказания в зависимости от того, о каком родстве идёт речь: для лица, которое сожительствует с кровным

родственником по нисходящей линии, предусмотрено более строгое наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, в то время как лицо, которое сожительствует с кровным родственником по восходящей линии, наказывается лишением свободы на срок до 2 лет.

В Российской Федерации, как и в странах бывшего СССР нормы об инцесте отсутствуют, как уже было сказано. В качестве преступной рассматривается лишь связь между близкими родственниками лишь в контексте возраста лиц, находящихся в половой связи при инцесте – если кому-либо из таковых лиц меньше 16 лет, а другому более 18 лет, наступает ответственность за половое преступление (в зависимости от конкретного возраста потерпевшего или потерпевшей, и объективной стороны деяния, ответственность может наступать как по ст. 134 УК РФ, так и по ст. 131 или ст. 132 УК РФ).

Вопрос о криминализации инцеста между совершеннолетними лицами, равно как и вопрос о криминализации многожёнства, является сложным. С одной стороны – подобные формы организации личных отношений являются осуждаемыми с позиции общественной морали, а с другой, государство традиционно оставляет за собой право вмешиваться лишь в личную жизнь своих граждан лишь в наиболее острых ситуациях, определяя в качестве преступных лишь те деяния, что грубо посягают на объект уголовно-правовой охраны и влекут причинение существенного вреда имеющимся общественным отношениям.

Признавать в качестве преступного любое нарушение норм общественной морали никогда не было приемлемым выходом, несмотря на то, что нормы морали являются первичными относительно норм права. Но право должно проникать в регулирование общественных отношений ровно настолько, насколько это необходимо – во всех остальных случаях мораль должна выполнять свои функции самостоятельно, используя свой инструментарий регулирования. Таким образом, криминализация какого-либо деяния не должна быть стихийной, равно, как и декриминализация.

Однако, в контексте сказанного, видится целесообразным включение инцеста в ряд квалифицирующих ответственность обстоятельств по половым преступлениям, когда лицо, являющееся близким родственником несовершеннолетнего потерпевшего, совершает в отношении него действия, образующие состав полового преступления, хотя должно было проявлять о нём заботу, которая предполагается со стороны близкого родственника.

Таким образом, произведя сравнительно-правовой анализ норм зарубежного уголовного законодательства, касающихся преступлений, посягающих на семью и несовершеннолетних, можно сделать вывод о сходстве фундаментальной составляющей соответствующих положений, при наличии различий в регламентации ответственности и обязательных признаков деяний.

Отдельные составы преступлений против семьи и несовершеннолетних, присутствующие в нормах зарубежного уголовного законодательства отсутствуют в действующем УК РФ. Вопрос их рецепции и включения в имеющийся в настоящее время ряд преступлений против семьи и несовершеннолетних является дискуссионным – например, криминализация инцеста между совершеннолетними лицами, равно как и вопрос о криминализации многожёнства. Представляется, что с рецепцией подобных положений отечественному законодателю нельзя спешить.

## **Глава 2 Анализ составов преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность (ст.ст. 150-151.2 УК РФ)**

### **2.1 Объективные признаки преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность**

Действующие уголовно-правовые нормы, которые предусматривают привлечение к ответственности за вовлечение несовершеннолетнего лица в совершение разноплановой антиобщественной деятельности определена законодателем несколько иначе, чем подобная норма в рамках утратившего силу УК РСФСР 1960 г. [16]

Во-первых, родовый объект состава преступления сформулирован несколько иначе. В действующем УК РФ оба состава, связанных с вовлечением в совершение антиобщественной деятельности – ст. 150 и ст. 151 УК РФ размещены в главе 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Ст. 210 УК РСФСР 1960 г. была расположена в главе, посвящённой преступлениям противообщественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

Во-вторых, законодателем была дифференцирована ответственности виновного в зависимости от того, в какой именно вид антиобщественной деятельности осуществлялось вовлечение несовершеннолетнего - в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) или в совершение разного рода иных антиобщественных по своей сути деяний (ст. 151 УК РФ). Также в ст. 150 УК РФ законодателем более конкретно сформулирован предмет вовлечения: в норме идёт речь о вовлечении в совершение преступления, а не о вовлечении в преступную деятельность, поскольку вторая категория по содержанию шире первой. Вовлечение в преступную деятельность применялось в формулировке диспозиции ст. 210 УК РСФСР 1960 г.

В-третьих, произведена дифференциация наказуемости в границах каждого из определённых законодателем видов поведения (ч. 1-4 ст. 150, ч. 1-3 ст. 151 УК РФ).

По вопросу выделения непосредственного объекта преступлений, расположенных в ст. 150 и 151 УК РФ, в науке высказываются разные мнения. И.Н. Даньшин считает непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего лица в совершение преступления общественный порядок [13, с. 51]. По мнению Е.А. Худякова, «преступления, предусмотренные ст. 150 и 151 УК РФ, посягают на: нормальное развитие несовершеннолетних; объекты, которые страдают от совершения конкретных преступлений несовершеннолетними, вовлеченными в преступную или иную антиобщественную деятельность» [90, с. 4]. Подобная точка зрения высказана и в других работах [37, с. 89].

«Объективная сторона деяния, которое предусматривается ст. 150 УК РФ, характеризуется совершением лицом, достигшим возраста совершеннолетия, ряда активных действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступного деяния, что приводит нас к выводу о том, что путём бездействия совершить данное преступление не представляется возможным» [21, с. 218] - пишут авторы одного из комментариев.

Способу совершения преступления, как элементу объективной стороны, всегда отводится достаточное внимание в уголовно-правовой науке, ввиду того, что он является одной из важнейших характеристик состава преступления. Способ о веществе, конкретизирует деяние, выявляя его отличительные особенности, придает деянию некую качественную определенность. В контексте сказанного, в качестве способа совершения преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ законодатель указывает «вовлечение».

Ряд учёных определяют «вовлечение», в контексте анализируемого состава, как «умышленное действие взрослого, направленное на



формирование желания (стремления) у несовершеннолетнего участвовать в совершении одного или нескольких преступлений» [25, с. 15].

Другие авторы, как например А.А. Игнатьева определяли «вовлечение» как «комплекс действий, который или стимулирует у несовершеннолетнего тягу к совершению преступного деяния, или же объективно втягивает его в участие в преступной деятельности» [18, с. 61].

При толковании понятия категории «вовлечение» ряд учёных исходит из необходимости отграничения его от категории «подстрекательство» [51, с. 135].

«В соответствии с ч. 4 ст. 33 УК РФ подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом» [14, с. 53].

Подстрекательство предполагает такое воздействие одного лица на другое, благодаря которому последнее соглашается на совершение конкретного преступления. Склонение должно состояться реально и быть успешным.

Таким образом, содержательное различие рассматриваемых категорий проявляется в том, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления будет в тех ситуациях, когда в наличии не конкретизированное склонение к совершению преступного посягательства, запрещённого уголовным законом.

То есть, уголовная ответственность наступает за склонение несовершеннолетнего лица к совершению преступлений в принципе – возбуждение у него интереса к преступной деятельности, желания и стремления принять активное участие в совершении одного или же нескольких преступлений.

Тем не менее, как отмечают специалисты, с точки зрения русского языка понятия «вовлечение» и «подстрекательство» являются сходными, смежными по содержанию с такими как «втягивание», «принуждение», «обольщение», «склонение к чему-либо» и т.д. Представляется, что

«вовлечение» можно рассматривать как общее понятие, которое охватывает целый спектр форм поведения вовлекателя, в том числе и подстрекательство к совершению конкретного преступления [25, с. 17].

В соответствии с Определением Верховного Суда РФ от 12.11.2004 г. по делу № 24-о04-5 «как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по ст. 150 УК РФ подлежат квалификации действия виновного, выразившиеся не только в склонении несовершеннолетнего к совершению преступления, но и в самом участии несовершеннолетнего в преступлении» [35].

Независимо от контекста, категория «вовлечение» всегда предполагает активные действия как вовлекающего, так и самого вовлекаемого. В этой связи, вовлечение в совершение преступления не предполагает бездеятельное восприятие несовершеннолетним разнообразных социально осуждаемых (аморальных) проявлений. Совершение данного преступного деяния требует, чтобы виновный (совершеннолетнее лицо) оказывал активное и целенаправленное воздействие на сознание и волю лица несовершеннолетнего возраста, подчиняя его своей воле.

Так как в ст. 150 действующего УК РФ идёт речь о вовлечении в преступление, подлежит установлению в совершение какого именно противоправного деяния, предусмотренного уголовным законом, вовлекалось несовершеннолетнее лицо.

В данном случае, категория преступления, в которое вовлекается несовершеннолетний, может иметь квалифицирующее значение. Вовлечение в совершение преступления небольшой, или средней тяжести квалифицируется по ч. 1 ст. 150 УК РФ. Если же речь идёт о вовлечении в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, такое деяние должно быть квалифицировано уже по ч. 4 ст. 150 УК РФ, что

сопряжено с большей общественной опасностью деяния и предполагает больший размер ответственности – лишение свободы на срок от 5 до 8 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет, или же без него.

Включение в диспозицию квалифицированного состава вовлечения экстремистской составляющей (а формирование у несовершеннолетнего намерения совершить преступное деяние по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является таковой) представляется оправданным, ввиду усиления в обществе экстремистских проявлений самого разного плана.

Не случайно в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. [80], в контексте характеристики ряда основных источников угроз национальной безопасности выделена экстремистская деятельность (ст. 37).

Определённая преемственность прослеживается и в новой – принятой 31 декабря 2015 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [81].

В ст. 43 данного документа в качестве основных угроз государственной и общественной безопасности названа деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию. Данное обстоятельство обосновывает важность усиления противодействия экстремистским преступлениям.

Экстремизм – это многоаспектное противоправное общественно опасное явление, носящее асоциальный характер; это деятельная сторона идеологии проявления нетерпимости, ненависти либо вражды.

«Экстремистская деятельность представляет собой источник угроз национальным интересам России во многих сферах жизнедеятельности страны (внешнеполитической, внутривнутриполитической, социальной, экономической и др.). Особо негативное влияние экстремизм оказывает на

духовно-культурную сферу. Целенаправленное «вбрасывание» в этнонациональные и религиозные отношения деструктивных идей, концепций, модели поведения со стороны внутренних и зарубежных экстремистских сил влияет на деформацию духовных, культурных потребностей значительной части населения в сторону их вестернизации и примитивизма. Во внутривнутриполитической сфере угроза национальным интересам страны исходит от деятельности общественных организаций, религиозно-политических структур, выступающих с антифедеральных, сепаратистских, националистических позиций, а также структур, ориентирующихся на использование в политической борьбе экстремистских, террористических методов» [2, с. 34] – указывает У.А. Алиев.

Особая пагубность формирования подобных устремлений у несовершеннолетнего, чья психика не сформирована и на чьи социальные установки можно легко оказывать влияние, обоснованно нуждается в соответствующей реакции государства, которая как раз и выражена в большем размере ответственности за вовлечение в преступления такого рода.

Как альтернативный, в рамках ч. 4 ст. 150 УК РФ, рассматривается вариант вовлечения несовершеннолетнего в преступную группу.

Групповая преступность — это «совместное совершение преступления двумя или более лицами. Групповая преступная деятельность представляет собой повышенную общественную опасность, так как в процессе ее осуществления происходит объединение усилий двух и более лиц ради достижения преступного результата, который мог бы и не наступить, если бы они действовали в одиночку» [9, с. 190].

Сущностью групповой преступности, как и преступности в целом, является ее общественная опасность, так как именно она определяет все иные свойства преступности, обуславливает не принятие последней обществом и

необходимость реакции со стороны государства, как предупредительного, так и карающего свойства.

В качестве преступной группы при квалификации по ч. 4 ст. 150 УК РФ следует рассматривать групповые формы совершения преступления, обозначенные в ст. 35 УК РФ: группу лиц без предварительного сговора, группу лиц по предварительному сговору, организованную группу и преступное сообщество (преступную организацию).

«В случае если лицо вовлекло несовершеннолетнего в совершение преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 213 УК РФ и ч. 4 ст. 150 УК РФ (за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу)» [44] (п. 6 Постановления).

Анализ категории «вовлечение», используемой законодателем, связано с отсутствием единообразия взглядов на указанное противоправное действие как с позиций уголовно-правовой науки, так и с позиций практического правоприменения. В частности, споры вызывает вопрос о том, имеет ли данное деяние материальный состав? Верное решение данного вопроса немаловажно для верной квалификации содеянного.

В утратившем на данный момент свою юридическую силу Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1976 г. № 16 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» [46] содержалось разъяснение о том, что «если несмотря на указанное воздействие подросток не стал участвовать в совершении преступления (хотя бы на стадии приготовления или покушения), действия взрослого должны расцениваться как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность» (п. 10 Постановления).

Представляется, что состав преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, является формальным, в том понимании, что данное преступление

будет считаться оконченным с того момента, как потерпевший начал совершать активные действия, направленные на приготовление, или покушение на совершение преступления.

Как указывается в публикациях, «преступление, в которое виновный вовлекает несовершеннолетнего, может совершаться подростком как в соучастии с ним, так и самостоятельно. В последнем случае (когда несовершеннолетний является единственным исполнителем объективной стороны преступления, в которое он вовлечен) возникают трудности при доказывании факта вовлечения взрослым несовершеннолетнего в совершение преступления. В этой ситуации надлежит акцентировать внимание на сборе доказательственной информации, свидетельствующей о преступных действиях взрослого, которые имели место до и после совершения преступления несовершеннолетним» [12, с. 3].

Непосредственные способы осуществления вовлечения, которые могут быть использованы вовлекателем для воздействия на несовершеннолетнего потерпевшего, могут быть довольно разноплановыми. Видимо, по этой причине законодатель их не конкретизирует, говоря о них лишь в общем и целом, упоминая обещания, обман или угрозы. Выборного, или иного способа вовлечения в каждой практической ситуации обуславливается целью, которую вовлекатель ставит перед собой, а также от личностных качеств и характеристик несовершеннолетнего и характера тех отношений, которые есть между виновным и жертвой.

Представляется целесообразным проанализировать основные способы совершения вовлечения более подробно.

«Обещание – это достоверное, или мнимое принятие на себя совершеннолетним лицом определённого обязательства перед несовершеннолетним потерпевшим; заверения его в том, что он совершит в интересах вовлекаемого какие-либо действия (или же наоборот воздержится от каких-либо действий в отношении вовлекаемого)» [12, с. 25] - пишут специалисты.

Содержательно, подобные обещания могут воплощаться в заверении несовершеннолетнего о передаче последнему в будущем денежных средств, иных материальных благ, покровительстве несовершеннолетнему от посягательств на него, помощи в выгодном трудоустройстве т.д.).

В качестве обязательного условия выполнения действий в отношении несовершеннолетнего будет в данной ситуации совершение последним одного или нескольких преступлений.

Обман, как способ вовлечения в совершение преступления, состоит в просьбе, обращённой к несовершеннолетнему, совершить деяние (действие или бездействие) которые на первый взгляд не являются преступными, но на самом деле представляют общественную опасность. Другими словами, введение потерпевшего в заблуждение относительно каких-либо фактов, событий. При этом способе, несовершеннолетний не осознает, что совершает уголовно-наказуемое деяние, находясь в состоянии добросовестного заблуждения.

Обман может состоять в убеждении несовершеннолетнего в том, что тот не будет нести ответственности за совершение преступления (например, что тот не достиг возраста уголовной ответственности и т.д.).

Содержанием обмана являются не соответствующие действительности слова, поступки и действия, которые намеренно вводят в заблуждение, являются ложными. Взрослый преступник в таких ситуациях может использовать разнообразные хитрости в целях гарантированного введения несовершеннолетнего в заблуждение.

Более серьезным по своему содержанию способом осуществить вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления является применение угроз.

Угрозы могут также быть разнообразными и касаться обещаний несовершеннолетнему возникновение различных негативных для него последствий в случае отказа совершить преступление.

Это могут быть угрозы применения физического насилия, либо так называемая «психологическая обработка». Несовершеннолетнему, к примеру, могут быть высказаны угрозы распространения о нем порочащих его честь и достоинство сведений, угрозы, связанные с причинением физического или материального вреда и т.д. При этом, угроза сопрягается с запугиванием потерпевшего. Содержательная сторона угрозы, как способа вовлечения, нормативно не ограничивается, но если совершеннолетний выражает в отношении потерпевшего угрозу физического насилия, то будет идти речь о квалифицированном составе деяния, предусмотренного в ч. 3 ст. 150 УК РФ.

В данном вопросе отсутствует единство мнений.

Как указывают в публикациях, «насилием будет любая угроза, так как закон не дает нам оснований для ограничения содержания психического насилия только угрозой физического насилия. Главное, чтобы такая угроза отвечала признаку соразмерности принуждения. Угроза, доведенная до сведения адресата непосредственно (например, лично), всегда является элементом принуждения: это не просто сообщение о грозящей опасности, это сообщение об опасности, исходящей от угрожающего. Содержание угрозы выражается в неблагоприятных последствиях и в действиях, которые следует предпринять или не предпринимать, чтобы эти последствия не произошли. Последствия должны носить исключительно преступный характер» [6, с. 32].

Вряд ли можно безоговорочно принять такое утверждение. Думается, что не всякая угроза, будучи способом психического воздействия на потерпевшего несовершеннолетнего, может являться специальным способом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

Как указывается в науке, «в большей части правовых ситуаций, вовлечение совершается посредством угроз, которые имеют степень опасности понуждения» [54, с. 22].

Подобные угрозы могут проявляться, как шантаж. Применение насилия, подлежащего квалификации в рамках ч. 3 ст. 150 УК РФ, в



практическом плане, может быть в форме: побоев; причинения вреда здоровью потерпевшего (легкого или средней тяжести) и т.д.

Есть мнение, что под таковым может пониматься осуществление виновным в отношении потерпевшего насильственных действий сексуального плана (изнасилование, насильственные действия сексуального характера без отягчающих обстоятельств). В таком случае, как видится, деяние требует дополнительной квалификации по ст. 131 или 132 УК РФ.

Аналогично, при применении насилия, выраженного в причинении тяжкого вреда здоровью, необходима дополнительная квалификация по ст. 111 УК РФ.

Подобный квалифицирующий признак предусмотрен и в ч. 3 ст. 151 УК РФ, касательно вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.

Как уже было отмечено, перечень возможных способов вовлечения законодатель не ограничил, оставляя его открытым.

Некоторые авторы полагают, что «рассказ о прелестях воровской жизни, рассказ о личном примере совершения преступных деяний является иным способом вовлечения» [40, с. 396].

Однако, опираясь на изложенное, такие действия вряд ли возможно признавать преступными.

Примеры конкретных способов вовлечения в преступную деятельность можно привести множество:

- обещание быстрого улучшения материального благосостояния, обещание помочь реализовать похищенное, избежать задержания сотрудниками правоохранительных органов, обещание обеспечить своё покровительство и т.п.;
- обман, относительно каких-либо аспектов преступного деяния, в совершение которого вовлекается несовершеннолетний (например, обман относительно пределов санкции за совершение преступления);

- культивирование низменных побуждений несовершеннолетнего;
- издевательство над несовершеннолетним и т.д.

Как следует из данных правоприменительной практики, при совершении деяния указанными выше способами, квалификация содеянного виновным по ст. 150 УК РФ осуществляется без особых затруднений.

Неоднозначным видится вопрос о квалификации предложения, адресованного несовершеннолетнему со стороны взрослого выраженного в предложении совершить уголовно наказуемое деяние, но без признаков вовлечения, перечисленных в ст. 150 УК РФ.

Есть мнение, что любая используемая преступником устная форма предложений, направленных на формирование у несовершеннолетнего желания преступить уголовно-правовой запрет, учитывая малый жизненный опыт малолетнего или несовершеннолетнего лица, может рассматриваться как психическое воздействие [25, с. 25].

Взрослое лицо, уже самим фактом выражения просьбы или предложения втягивает несовершеннолетнего в психологически активный контакт антиобщественной направленности.

Однако, согласно материалам опубликованной следственной практики, «прямое предложение о совершении преступления областной практикой не признается способом вовлечения, поскольку от взрослого исходит лишь предложение о совершении преступления, никакого воздействия при этом не оказывается, несовершеннолетний соглашается добровольно» [12, с. 5].

Исходя из сказанного, вовлечение в форме предложения, без обещания, угрозы, насилия, введения в заблуждение и т.п. не может обусловить привлечение лица к ответственности по ст. 150 УК РФ. Тем не менее, возможны и иные подходы.

Есть противоположное мнение, находящее своё отражение в правоприменительной практике: «в соответствии с материалами судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда Новодвинский городской суд признал виновным гр. К. в том, что тот путем

предложения, используя доверительные отношения с несовершеннолетним братом, вовлек его в совершение краж, относящихся к тяжким преступлениям. При этом суд указал, что вовлечение было совершено иным способом – путем предложения (дело №1-99)» [12, с. 6].

В описываемой ситуации предложение совершить противоправное деяние было оценено как вовлечение лишь в контексте авторитета виновного в глазах потерпевшего в силу личных доверительных (семейных) отношений между ними, а не отдельно от общего контекста. С учётом этого, подобный вывод правоприменителя имеет внятное обоснование.

Таким образом, вопрос правильной квалификации действий, составляющих по своей сути вовлечение несовершеннолетнего, ситуативен.

К сожалению, в рамках Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [43] данная проблема, всё же, не нашла своего решения.

Таким образом, представляется, что в рассматриваемой ситуации нужно опираться на Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2006 г. по делу № 1-О06-19 [34].

Вместе с тем полагаем, что для приведения следственно-судебной практики к некому единообразию, было бы целесообразно обозначить решение вопроса в рамках разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в контексте уточнения способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

Как отмечают специалисты, «анализ следственной практики показывает, что в настоящее время весьма распространены случаи, когда в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительных заключениях следователи наряду с доказанными способами вовлечения в совершение преступления перечисляют и другие способы, указанные в диспозиции ст. 150 УК РФ (в том числе «иные способы»), которые ими не описываются и не подкрепляются доказательствами. Полагаем, что данная

ситуация является недопустимой, поскольку отражение в процессуальных документах любого способа совершения преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, должно подтверждаться собранными по делу доказательствами» [12, с. 10].

Заслуживает внимания и другая проблема – например, ситуация при которой совершеннолетний субъект преступления вовлекло несовершеннолетнего в совершение нескольких самостоятельных преступных деяния, а не одного преступления, что предполагается общими формулировками, используемыми в конструкции анализируемого состава.

Условно, позиции, имеющиеся по этому вопросу можно разделить на два подхода. Первый состоит в том, что виновному должен инкриминироваться один состав деяния по ст. 150 УК РФ [82, с. 114].

Второй подход противоположен первому – некоторые исследователи считают, что в ст. 150 УК РФ, законодатель ведёт речь о вовлечении несовершеннолетнего в совершение единичного противоправного посягательства. Соответственно, привлекать к ответственности виновного по ст. 150 УК РФ надлежит за вовлечение в совершение каждого преступления, совершённое потерпевшим, в отдельности как за совокупность преступлений [91, с. 49].

Думается, что правильный ответ на данный вопрос будет зависеть от деталей. В частности, от того, совершение какого предполагаемого числа преступных деяний со стороны потерпевшего предполагалось виновным и охватывалось его умыслом? Если умыслом охватывалось совершение сразу нескольких посягательств, то у нас нет оснований привлекать виновного за совокупность преступлений по ст. 150 УК РФ.

Опять же, имеет значение, за какой период времени потерпевшим совершено несколько преступных деяний, под влиянием совершеннолетнего вовлекателя. Если между совершёнными деяниями значительные временные промежутки (полгода, год) то вряд ли вообще можно вести речь об ответственности вовлекателя за совокупность преступлений.

Есть мнение, что «если несовершеннолетнее лицо по уровню своего личностного развития не может адекватно оценить поведение совершеннолетнего, направленное на вовлечение его в совершение преступления, то оно не будет являться потерпевшим и состав вовлечения, соответственно, тоже будет отсутствовать, несмотря на то, что виновный может при этом сознательно направлять свои усилия на приобщение несовершеннолетних к антиобщественным актам поведения» [39, с. 132].

Действительно, если потерпевший не воспринимает навязываемые установки, то вовлечение, несмотря на усилия вовлекателя, не происходит.

Также не имеет квалифицирующего значения тот моральный облик, который имеется у несовершеннолетнего – совершал ли он акты противоправного поведения, имеет ли должное воспитание, положительно ли характеризуется по месту жительства и учёбы и т.д.

Однако, такова теоретическая сторона вопроса. А с практической точки зрения, как отмечается в литературе, «на практике возникает спорный вопрос о вменении лицу, достигшему восемнадцатилетнего возраста, ст. 150 УК РФ в случае, когда несовершеннолетний играл активную роль в совершении преступления, ранее был судим, или вел антиобщественный образ жизни. В данной ситуации работники следственных подразделений испытывают сложности в установлении истинного инициатора преступления. В связи с этим при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ необходимо осуществлять сбор информации по трем направлениям:

- о личности несовершеннолетнего;
- о личности предполагаемого вовлекателя;
- о действиях несовершеннолетнего и предполагаемого вовлекателя до, вовремя, и после совершения инкриминируемого им противоправного деяния.

В результате, если будет установлена доминирующая роль несовершеннолетнего в совершении преступления (т.е. истинным

вовлекателем является подросток), действия лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, не будут подлежать квалификации по ст. 150 УК РФ ввиду отсутствия состава преступного деяния» [12, с. 11].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [42] содержится указание, относительно ситуации, в которой в совершение преступления вовлекается лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности (например, подросток 13-ти лет). «В случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения» (п. 42 Постановления).

Что касается объективной стороны деяния, предусмотренного ст. 151 УК РФ, то она состоит в совершении лицом, достигшим возраста совершеннолетия активных действий по вовлечению несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ).

В правоприменительной практике возникают трудности, которые связаны с толкованием критерия «систематичности» при квалификации вовлечения в систематическое употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ, что отражено в ч. 1 ст. 151 УК РФ.

Сказанное обуславливает отсутствие в стране единой следственно-судебной практики привлечения к ответственности виновных лиц, которые систематически вовлекали подростков в совершение обозначенных антиобщественных действий.

В некоторых регионах России (в Мурманской области) практика ориентируется на то, что преступление считается оконченным, если выявлено больше одного факта вовлечения конкретного несовершеннолетнего одним и тем же совершеннолетним лицом в

употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством.

В других же субъектах РФ (например, в Пермском крае) систематичность трактуется как совершение более двух умышленных вовлечений подростков в антиобщественную деятельность за короткий временной период.

К сожалению, Пленум Верховного Суда РФ не даёт правоприменителю конкретных ориентиров для понимания рассматриваемого признака систематичности. Получается, что отсутствие в норме ст. 151 УК РФ указания на то, какое именно количество фактов вовлечения подростков в совершение антиобщественных действий будет систематическим, что способствует усилению роли судейского усмотрения при разрешении данной проблемной ситуации.

Как отмечается практиками, правовая позиция прокуроров г. Москвы в контексте вменения ст. 151 УК РФ говорит нам о том, что систематичность предполагает наличие трех и более фактов вовлечения несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ. Суды г. Москвы ориентированы на аналогичное понимание [12, с. 13].

Представляется, что в данной ситуации были бы уместны соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, что несомненно внесло бы ясность в понимание этой категории и способствовало бы формированию единого подхода на всей территории России.

В отдельном комментарии нуждается толкование соответствующих категорий, используемых законодателем в диспозиции ст. 151 УК РФ.

Под спиртными напитками понимается «алкогольная продукция, которая произведена с использованием этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции и не относится к винным напиткам» (п. 9 ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. №171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» [86]).

Под алкогольной продукцией понимается «пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции. Алкогольная продукция подразделяется на такие виды, как спиртные напитки (в том числе водка, коньяк), вино, фруктовое вино, ликерное вино, игристое вино (шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха (п. 7 ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. №171-ФЗ).

Спиртосодержащей продукцией будет являться «пищевая или непищевая продукция, спиртосодержащие лекарственные препараты, спиртосодержащие медицинские изделия с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции» (п. 3 ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ).

В данном вопросе имеется проблема, на которую обращают внимание в науке. В соответствии с действующим законодательством пиво официально не считается ни алкогольной продукцией, ни спиртным напитком, что создаёт ситуацию, при которой «вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление пива и напитков, изготавливаемых на его основе, не влечет наступления уголовной ответственности по ст. 151 УК РФ, хотя, по мнению медицинских работников, пиво является самым вредным алкогольным напитком. Если сравнить пиво со спиртными напитками, то его употребление примерно в 3-4 раза быстрее приводит к развитию хронического алкоголизма. Более того, употребление пива стремительно распространяется среди несовершеннолетних. Эта проблема имеет уже самостоятельное название как пивной алкоголизм» [56, с. 27].

Сложившаяся парадоксальная картина: систематическое употребление пива способно оказать крайне негативное воздействие на здоровье несовершеннолетнего индивида, но уголовная ответственность за вовлечение



несовершеннолетнего в систематическое употребление данного напитка не предусмотрена действующим УК РФ.

Особую опасность, как видится, также представляет вовлечение несовершеннолетних в систематическое употребление непищевой алкогольной продукции, к которой относятся «денатурированная спиртосодержащая продукция, спиртосодержащая парфюмерно-косметическая продукция, любые растворы, эмульсии, суспензии), произведенная с использованием этилового спирта, иной спиртосодержащей продукции или спиртосодержащих отходов производства этилового спирта» (п. 5 ст. 2 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ).

Приём подобных непищевых алкогольных продуктов может причинить гораздо больший вред здоровью, чем употребление спиртных напитков и даже может привести к летальному исходу. Примером может служить получившие широкую огласку в СМИ случаи массового отравления спиртосодержащим концентратом для принятия ванн «Боярышник» в г. Иркутск в декабре 2016 г.

Правильное толкование обозначенных категорий имеет большое значение для правильной квалификации действий виновных по ст. 151 УК РФ.

Следует констатировать приведение к единообразию подходов к пониманию используемых в законодательстве понятий, что может помочь исключить затруднения в практике.

Под одурманивающими веществами следует понимать такие химические соединения, употребление которых вызывает у человека затормаживание или расслабление психики. Данные вещества следует разграничивать с наркотическими, ответственность за вовлечение в потребление которых предусматривается иной уголовно-правовой нормой – ст. 230 УК РФ.

К числу веществ, обладающих одурманивающим действием, следует относить алкогольные смеси (независимо от процентного соотношения)

клофелина, димедрола, барбитуратов, смесь доксиламинасукцината, смесь клозапина и т.д. Данный перечень не является исчерпывающим, на что содержится указание в Списке одурманивающих веществ [57].

Как отмечается в научных публикациях, когда вовлечение несовершеннолетнего потерпевшего в систематическое употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ влечёт причинение вреда здоровью данного подростка, или влечёт смерть лица от употребления алкоголя содержащих или одурманивающих веществ, такие действия надлежит с уверенностью квалифицировать по совокупности с соответствующими статьями УК РФ, которые предусматривают уголовную ответственность за преступления против личности.

К числу иных форм антисоциальной деятельности, указываемой законодателем в диспозиции ст. 151 УК РФ следует отнести бродяжничество, которое подразумевает специфический образ жизни и занятий, который выражается в скитаниях и часто сопровождается существованием за счет попрошайничества и мелких краж.

Вовлечение в данную антисоциальную деятельность несовершеннолетнего представляет опасность для последнего, поскольку в результате подобного образа жизни у подростка легко может сформироваться дезадаптивное поведение.

Последним из указанных в диспозиции ст. 151 УК РФ видов антиобщественных действий является попрошайничество – то есть назойливое выпрашивание у посторонних, для несовершеннолетнего, лиц денежных средств, продуктов питания, или иных предметов, из которых можно извлечь материальную выгоду. Практика говорит о том, что попрошайничество часто выступает основой для паразитического существования взрослого за счет тех материальных средств, которые добываются посредством попрошайничества несовершеннолетним.

Нормативная конструкция ч. 1 ст. 151 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что признак систематичности имеет отношение только к вовлечению

несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность, связанную с употреблением спиртных напитков и одурманивающих веществ. К бродяжничеству и попрошайничеству этот признак отношения не имеет, соответственно, для квалификации действий взрослого, вовлекающего подростка в занятие бродяжничеством или попрошайничеством будет достаточно одного факта вовлечения в обозначенные виды антиобщественной деятельности.

Следует отметить, что ст. 151 УК РФ имеет примечание, которое содержит положение о не привлечении к уголовной ответственности родителей несовершеннолетнего, которые осуществили вовлечение своего ребёнка в занятие бродяжничеством, если вовлечение обусловлено стечением тяжёлых жизненных обстоятельств, которые связаны с утратой источника материального обеспечения или места жительства.

Однако, оборот «стечение тяжёлых жизненных обстоятельств» представляется оценочным и находится в зависимости от комплекса факторов как субъективного, так и объективного характера.

Состав преступления, закреплённый в ст. 151 УК РФ, является формальным – т.е. момент окончания деяния связан с выполнением таких действий, как: вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством.

В науке есть предложения о дополнении существующего в ст. 151 УК РФ перечня видов антиобщественных действий таким, как азартные игры, которые «представляют существенную опасность для обеспечения нормального развития и нравственного воспитания несовершеннолетних» [32, с. 30].

Негативное влияние азартных игр на не до конца сформированную личность несовершеннолетних и их представления сложно переоценить. У детей утрачиваются социально одобряемые жизненные ориентиры, снижается общий уровень культуры, а также может сформироваться своего

рода зависимость от азартных игр – так называемая «игромания», или лудомания.

Попытаться определить природу игромании (лудомании) можно обратившись к положениям Международной классификации болезней, которая была принята на 43-й Международной ассамблее здравоохранения.

Лудомания, или игровая зависимость, представляет собой патологическую склонность к азартным играм, основным признаком которой состоит в постоянно повторяющемся участии индивида в азартной игре. Данная зависимость доминирует в жизни лица, приводя к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей.

«Лудомания, так же, как и психопатия, находится в области подсознательного, она не лечится медикаментозно, является хронической болезнью. Можно смело сказать, что игромания может передаваться при общении, в тот момент, когда игроки склоняют свое окружение к азартной игре. Создаваемая в России инфраструктура игрового бизнеса предопределяет вовлечение широких слоев населения с различным социальным статусом, возрастом, степенью личностного развития. Результат может быть самым плачевным - человек остается без средств к существованию, происходит процесс психологической и социальной дезадаптации, чреватый тем, что уводит человека от социально значимой деятельности и провоцирует суицидальное и криминальное поведение» [55, с. 15].

Как отмечается исследователями, формирование зависимости от азартных игр часто формируется благодаря родственникам, имеющим подобную зависимость, которые вовлекают окружающих в данный антиобщественный вид деятельности.

Вовлечение также может производиться лицами, организующими проведение азартных игр в целях наживы за счёт играющих.

Приведём пример из практики: «Мировым судьей судебного участка N 2 г. Новочеркаска Ростовской области 3 ноября 2010 г. был вынесен

приговор Г. Оганесяну с назначением наказания в виде штрафа в размере 60 тыс. руб. Г. Оганесян был признан виновным в использовании нелегального программного обеспечения в игорном заведении для организации виртуального казино. Вместе с тем в рамках оперативно-следственных мероприятий было выявлено, что виновный активно вовлекал в участие в азартных играх не только взрослых, но также детей и подростков» [29].

Таким образом, очевиден законодательный пробел – виновный в вовлечении несовершеннолетних в азартные игры, несмотря на всю антисоциальную направленность такой деятельности, избежал ответственности за неё.

«В 2013 г. прокуратурой Ленинского района г. Пензы в ходе осуществлённой проверки была обнаружена незаконная игорная деятельность индивидуального предпринимателя М., который организовал азартные игры для детей. Данное лицо было привлечено к административной ответственности по части первой ст. 14.1.1 КоАП РФ «Незаконные организация и проведение азартных игр» с назначением наказания за каждое правонарушение в виде штрафа в размере 30 000 руб.» [28]

В рассматриваемых случаях виновный в вовлечении несовершеннолетних в занятие азартными играми либо был привлечен к ответственности за иное преступление (использование нелегального программного обеспечения), либо вообще избежал уголовной ответственности, «отделавшись» административным штрафом.

Думается, что подобная негативная ситуация и тот потенциальный вред для несовершеннолетних, что таит в себе вовлечение их в азартные игры обуславливают необходимость осуществить криминализацию такого деяния, включив соответствующее положение в текст УК РФ, поскольку ст. 151 УК РФ в современном виде не охватывает случаи тлетворного вовлечения несовершеннолетнего в азартные игры.

Подобного мнения придерживается ряд учёных, правда подходы к криминализации вовлечения в азартные игры имеют различия.

Например, Р.А. Севостьянов и А.А. Лихолетов, считают, что в УК РФ необходимо выделить отдельную статью, которая бы предусматривала ответственность за вовлечение лиц в азартные игры [52, с. 10].

И.Н. Мосечкин предлагает внести изменения в действующую редакцию ст. 151 УК РФ, в целях криминализации вовлечения несовершеннолетних в занятие азартными играми, сформулировав диспозицию ст. 151 УК РФ, следующим образом: «Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие азартными играми на деньги или иное имущество, занятие бродяжничеством, попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста» [32, с. 33].

Анализируя оба подхода к решению проблемы, представляется более правильным, осуществляя «экономии текста», относительно нормативного структурирования положений УК РФ, внести изменения в уже имеющуюся ст. 151, а не создавать отдельную статью в тексте УК РФ.

В качестве обязательного признака данного деяния необходимо зафиксировать проведение азартной игры на деньги или иное имущество, что как раз и создаёт предпосылки для криминализации деяния и представляет общественную опасность, игнорировать которую нельзя.

Как указывает относительно составов вовлечения несовершеннолетних в антиобщественную деятельность С.Ш. Ахмедова, «последствия рассматриваемых преступлений носят неощутимый, скрытый характер: у подростка колеблются имеющиеся или появляются иные представления о нравственных принципах, существующих в нашем обществе» [3, с. 34].

Уголовно-правовая норма ст. 151.2 УК РФ, предусматривает ответственность за склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, путем

уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства. Данный состав преступления появился в тексте действующего УК РФ совсем недавно – он был введен Федеральным законом от 07.06.2017 г. №120-ФЗ [83].

Объективная сторона деяния, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ состоит в совершении лицом, достигшим возраста совершеннолетия активных действий по вовлечению несовершеннолетнего или его склонения к совершению противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.

Желание законодателя усилить меры защиты несовершеннолетних, путём установления запрета за совершение противоправных действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, вполне понятна.

В современном обществе появляются новые и новые формы оказания влияния на сознание ребенка и мотивацию его поведения, которые не охватываются действующими составами. В первую очередь, это способ, связанные с возможностью массового воздействия на неопределённый круг несовершеннолетних с помощью глобальной сети «Интернет», что является квалифицирующим признаком анализируемого деяния, влекущим ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ.

Появление отдельной нормы, посвящённой ответственности за совершение иных противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, продиктовано появившейся в современном обществе практики вовлечения лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста, подростков в массу всевозможных потенциально опасных форм «досуга» – например, так называемый, «трейнсерфинг» (проезд на крыше поезда) и т.д.

Рассматриваемый состав, предусмотренный ст. 151.2 УК РФ сформулирован как формальный, что предполагает наличие оконченного

преступного деяния с момента возникновения у несовершеннолетнего решимости совершить опасные для его жизни противоправные действия, независимо от дальнейших последствий (например, совершить попытку влезть на крышу движущегося железнодорожного состава).

Способы совершения рассматриваемых преступлений укладываются в рамки рассмотренных нами ранее способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественную деятельность.

Рассматриваемую законодательную коррективу, следует оценить положительно. Внесение данных изменений продиктовано негативными общемировыми тенденциями, свидетельствующими о динамике распространения в сети «Интернет» информации, побуждающей детей и подростков к деструктивной деятельности, формировании ложных смыслов и популяризации преждевременной смерти.

Формирование новых составов, направленных на защиту несовершеннолетних, с учётом современных реалий, продолжает осуществляться. Поскольку введение анализируемой уголовно-правовой нормы, рассмотренной выше, произошло относительно недавно, наработанная практика её применения пока что отсутствует. А эффективность противодействия вовлечению несовершеннолетних в опасную для жизни и здоровья деятельность с помощью потенциала уголовного права покажет время.

## **2.2 Субъективные признаки преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность**

Субъективная сторона преступного деяния – это психическая деятельность субъекта преступления, которая сопровождает совершение посягательства, в контексте чего интеллектуальные, волевые и



эмоциональные процессы происходят в полном единстве и взаимной обусловленности.

«Это внутренняя психологическая характеристика преступного поведения, заключающаяся в психическом отношении преступника к совершенному преступлению в целом и его отдельным юридически значимым элементам объективного характера» [33, с. 257].

Проведение анализа субъективной стороны преступления довольно сложен, как отмечается специалистами, «совершению преступления, как правило, предшествует противоречивая внутренняя борьба, происходящая в мыслях и чувствах субъекта. Она отличается высокой динамичностью, переменчивостью проявлений в процессе совершения преступления даже на стадии его окончания. Положение осложняется еще и тем, что сам субъект преступления в связи с нередкой подсознательной мотивацией и многими другими эмоциональными помехами не всегда верно понимает глубинное содержание своей психической деятельности» [15, с. 114].

Как отмечается в публикациях, «преступное поведение человека и его интерпретация путем глубокого изучения и осмысления вины лица, совершившего преступление, а также его мотивов и целей – путь познания субъективной стороны преступления. Только установление психического отношения субъекта к совершенному им деянию и наступившим последствиям в необходимой мере раскрывает механизм преступления, степень общественной опасности лица, его совершившего» [61, с. 28].

Говоря о субъективной стороне рассматриваемых преступных деяний, предусмотренных ст.ст. 150, 151, 151.1 и 151.2 УК РФ, следует отметить, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий, а также действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, равно как и розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции характеризуется только прямым умыслом, при котором виновный должен осознавать общественную опасность своего деяния (несовершеннолетний возраст потерпевшего,

характер своего негативного воздействие на его психоэмоциональную сферу и т.д.) и желает его реализовать.

Позиция законодателя вполне понятна, совершение деяний, связанных с вовлечением подростка в антиобщественную деятельность, должно характеризоваться только прямым умыслом уже исходя из специфики рассмотренной нами категории «вовлечение», предполагающей активную, и целенаправленную деятельность. Осуществляя объективную сторону состава преступления, виновный не просто действует целенаправленно, но, при этом, обеспечивает, насколько это возможно, результативность такой деятельности, чтобы вовлечение обязательно состоялось.

По делам, связанным с привлечением лица к ответственности по ст.ст. 150-151.2 УК РФ, подлежит установлению факт осознанного вовлечения совершеннолетним лицом лица несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность.

Как отмечается в науке, «по каждому уголовному делу необходимо устанавливать мотив совершения преступления, данное требование закреплено в положениях уголовно-процессуального законодательства. Соответственно, в тех ситуациях, когда мотив и эмоция совпадают или столь тесно переплетены, что отграничить их не представляется возможным, никаких дополнительных требований к деятельности правоприменителя предъявлять не стоит. Их разграничение (мотива и эмоций) будет представлять интерес сугубо для научных исследований и никак не будет влиять на установление фактических обстоятельств дела» [92, с. 45].

Цель и какая-либо мотивация, лежащая в основе преступного поведения, всегда имеет место быть – нет безмотивных преступлений. Однако, из факультативных элементов субъективной стороны состава преступления они превращаются в обязательные признаки только тогда, когда на то есть прямое указание в тексте уголовно-правовой нормы. Они должны быть в таком случае указаны исчерпывающе и полно, не оставляя простора для разного рода «домысливаний».

Несмотря на то, что законодатель в диспозициях основных составов анализируемых деяний в рамках данной главы работы не определил особой роли мотивации и целеполагания виновного, однако, это не означает возможность совершения таких посягательств с косвенным умыслом. В тех ситуациях, когда взрослое лицо не задумывается над целью вовлечения, а действует в силу своей асоциальной личностной направленностью, не возникает состав вовлечения, поскольку нет объективной стороны деяния. Подобным же образом решается вопрос об основании уголовной ответственности по ст.ст. 150, 151 и 151.2 УК РФ и тогда, когда мотивация виновного вовлечателя носит невыраженный характер и решающим фактором в побуждениях является не само желание добиться самого вовлечения, а только создать для этого возможность.

Аналогичным образом решается вопрос с розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции по ст. 151.1 УК РФ.

Анализ субъективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в преступление или антиобщественную деятельность будет неполным без рассмотрения вопроса о психическом отношении виновного лица к несовершеннолетнему возрасту вовлекаемого.

В большинстве ситуаций, возраст потерпевшего может быть определён по его внешности, поэтому должен осознаваться виновным. Однако, здесь всё не так очевидно, как может показаться на первый взгляд, особенно с учётом акселерации подростков, затрудняющих возрастную идентификацию в пределах нескольких лет. Как установить субъективное отношение виновного к возрасту вовлекаемого, когда потерпевшему на момент вовлечения исполнилось 17 лет? И как квалифицировать деяние, если виновный достоверно не знает, но сознательно допускает наличие несовершеннолетнего возраста вовлекаемого?

Думается, что, если такое «допущение» не влияет на принятое решение – приобщать, или не приобщать подростка к преступной, антиобщественной или иной опасной для жизни несовершеннолетнего деятельности (когда

имеет место безразличие к этому аспекту со стороны виновного), можно констатировать прямой умысел, что позволяет нам привлечь вовлекателя по ст.ст. 150, 151 или, соответственно, по ст. 151.2 УК РФ к уголовной ответственности.

Сложно согласиться с суждениями о том, что взрослое лицо, которое осуществило вовлечение несовершеннолетнего, «действительно заблуждаясь насчет возраста потерпевшего, не сознает, что вовлеченное им лицо не достигло совершеннолетия, хотя при желании могло бы с легкостью в том убедиться, так как имеет возможность получить необходимую информацию и вина в этом случае выражается в преступной небрежности по отношению к возрасту вовлекаемого» [82, с. 115].

Думается, что в описанной ситуации имеет место косвенный умысел, так как виновный обычно к возрасту вовлекаемого относится с безразличием. Преступная небрежность исключается по той причине, что законодателем на лицо не возложена юридическая обязанность проверить возраст вовлекаемого.

Таким образом, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественную деятельность «предполагает или знание факта несовершеннолетия, или незнание этого в силу безразличия, даже если в наличии противоречивая для вовлекателя информация» [3, с. 35].

Мотивы, направляющие действия виновного, а также цели, которые преследовал виновный, квалифицирующего значения не имеют. Практика показывает, что наиболее часто имеет место корыстный мотив, мотив зависти, мести, а также иные низменные мотивы преступного поведения.

Мотив и цель, не являясь обязательными признаками составов преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность, могут учитываться судом для индивидуализации уголовной ответственности и последующего назначения наказания виновному.

Необходимость понимания мотивации и целеполагания при вовлечении несовершеннолетнего в преступление или совершение антиобщественных действий обусловлена характером возможных общественно-опасных последствий данного деяния. В отдельных ситуациях в виде таких последствий можно рассматривать совершение преступления в соучастии (касательно ст. 150 УК РФ), тем более в сложной форме соучастия. Также не исключён вариант выхода несовершеннолетнего в своих преступных действиях за пределы умысла вовлекателя, как пишут в научных комментариях [20].

Думается, что является правильным определением умысла совершения преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, как прямого. Вовлекатель в полной мере осознает механизм своего преступного поведения, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде совершения несовершеннолетним конкретного преступления и желает их наступления.

Законодатель презюмирует возможность привлечения к уголовной ответственности с возможностью лица, которое совершило преступное деяние, отдавать отчет в своих действиях и руководить ими.

Для возможности привлечения к уголовной ответственности по ч. 1, 3-4 ст. 150 УК РФ и по ч. 1 и 3 ст. 151 УК РФ не имеет правоустанавливающего значения статус виновного, его гражданство (или его отсутствие). Однако, не каждое физическое лицо может выступать субъектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Привлечение к уголовной ответственности вообще связано со способностью понимать значение совершаемых действий и возможностью ими руководить. На это способны только полностью вменяемые лица, которые достигли нормативно установленного возраста уголовной ответственности.

Общий возраст привлечения к уголовной ответственности – 16 лет, однако, по отдельным составам законодателем установлен повышенный возраст, как и в случае со ст. 150, 151 и 151.2 УК РФ.

Субъект данных преступлений является специальным, поскольку, согласно диспозициям соответствующих статей УК РФ, им является вменяемое физическое лицо, которое достигло возраста совершеннолетия (18 лет).

Возраст субъекта преступления является принципиально важным фактором для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности. Он определяется не со дня рождения, а по истечении суток, на которые приходится этот день, т.е. с нуля часов следующих суток

Что же касается вменяемости, то проблема её определения является одной из достаточно сложных в науке уголовного права. УК РФ не содержит в себе нормативного определения вменяемости, раскрывая только вторичную по отношению к нему категорию «невменяемость».

Для определения и законной констатации вменяемости или невменяемости, суд обращается к данным назначаемой экспертизы. Уголовное право исходит из предпосылок о вменяемости и полной дееспособной граждан, пока не установлено и не доказано обратное. В данном контексте, стоит обратить внимание на определение признаков невменяемости.

Вменяемость, как указывается учёными, «психическое состояние лица, заключающееся в его способности по уровню социально-психологического развития, социализации, возрасту и состоянию психического здоровья отдавать отчет в своих действиях, бездействии и руководить ими во время совершения преступления и, как следствие этого, в способности нести уголовную ответственность и наказание» [64, с. 172].

Вменяемость – это «такое состояние психики человека, которое характеризуется способностью осознавать фактический общественно опасный характер своих действий (бездействий) и руководить ими. Это такое состояние психики, при котором человек обладает свободой действий, т.е. может осознавать значение своих действий и руководить ими» [11, с. 105].

Учёные полагают, что вменяемость связана с двумя критериями: юридическим (психологическим) и медицинским (биологическим).

Юридический критерий предполагает возможность лица понимать и осознавать фактические аспекты совершаемого деяния, его внешнюю сторону, причинную связь между действием (бездействием) и наступившими последствиями и т.д. Должна осознаваться также социальная значимость содеянного, а также должна присутствовать способность лица руководить своими поступками.

Как полагает А.Г. Бабичев, «медицинский критерий вменяемости касается определения состояния психики субъекта преступления во время его совершения: отсутствие определенных психических заболеваний и недостатков умственного развития, определенный уровень социализации личности» [4, с. 92].

Только наличие совокупности юридического и медицинского критерия позволяет констатировать субъекта преступления как полностью вменяемого.

Юридический критерий определения невменяемости лица связан с наличием одного из вышеназванных аспектов, но для того, чтобы признать лицо невменяемым, необходим комплекс из медицинского, а также юридического критериев.

Отдельное внимание стоит уделить вопросу совершения преступного посягательства в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкогольной продукции, наркотических средств или психотропных веществ и т.д.

Такое состояние именуют физиологическим опьянением, которое характеризуется временным нарушением нормального процесса высшей нервной деятельности, которое часто влияет на способность лица ориентироваться в создавшейся обстановке. Несмотря на то, что в состоянии опьянения происходит временное нарушение высшей нервной деятельности, оно не обуславливает отсутствие вменяемости.

Лицо в состоянии физиологического опьянения в относительной степени сохраняет связь с внешним миром. При употреблении алкоголя, в частности, происходит лишь некоторое угнетение функций головного мозга. Так как при физиологическом опьянении отсутствует какое-либо душевное заболевание, т.е. отсутствует биологический критерий, в связи с этим виновный, находясь в состоянии опьянения в момент противоправного посягательства, должен быть признан субъектом преступления и подлежать привлечению к уголовной ответственности на общих основаниях, на что содержится отдельное указание в ст. 23 УК РФ.

В науке используется такое понятие, как патологическое опьянение, которое следует отличать от опьянения физиологического, поскольку между ними, несмотря на сходные наименования, имеются качественные отличия. Таким образом, патологическое опьянение характеризуется временным расстройством душевной деятельности, что не имеет места применительно к физиологическому опьянению.

Лица, страдающие алкоголизмом, или употребляющие наркотические вещества, как правило, признаются вменяемыми.

В отношении лиц, страдающих наркоманией о невменяемости можно вести речь лишь тогда, когда установлены определенные психопатологические симптомы, которые говорят о наличии острого психического расстройства. Только установление подобной психической проблематики позволяет признать наркозависимого преступника невменяемым с вытекающими из данного правового статуса последствиями [58, с. 55].

При квалификации деяния виновного лица по ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ, субъект преступления будет иметь отношение к ещё более узкой категории, чем при квалификации по ч. 1 ст. 150 и ч. 1 ст. 151 УК РФ – родитель, педагогический работник, или иное лицо, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.



Повышенная общественная опасность деяния данных субъектов обуславливается не способом совершения преступления, а признаком субъекта преступления, который подрывает доверие общества к важнейшим социальным институтам – институтам семьи, школы, органов социальной защиты и т.д., действуя вопреки социальной роли и ответственности, отведённой виновному. Соответствующий статус субъекта преступления налагает дополнительную ответственность в лице общества и государства, что имеет смысл, с учётом сказанного.

Под категорией «родители» необходимо понимать родных отца и мать несовершеннолетнего, которые осуществляют вовлечение в преступление несовершеннолетнего, действуя вопреки смыслу и предназначению их роли в воспитании подростка – будущего полноценного члена общества, нуждающегося в момент личностного формирования в наставлениях и наглядных примерах социального взаимодействия, основанного на уважении законности и норм социального сосуществования людей в цивилизованном гражданском обществе.

Повышенная ответственность распространяется, как представляется, и на родителей, которые были лишены в установленном законом порядке родительских прав, а также усыновителей.

Например, «отец несовершеннолетнего был привлечён к уголовной ответственности за вовлечение двух своих несовершеннолетних сыновей в употребление алкогольных напитков. Каждый раз, когда дети посещали отца по дороге на дискотеку, отец, систематически, угощал их спиртным, что являлось для несовершеннолетних своего рода стимулом для посещений отца, живущего отдельно от семьи. Уголовное дело было возбуждено по ч. 2 ст. 151 УК РФ после того, как несовершеннолетние, будучи в состоянии алкогольного опьянения причинили тяжкий вред здоровью гражданина Н. и были привлечены к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 111 УК РФ» [60].

К сожалению, реагирование в таких случаях со стороны государства в лице правоохранительных органов происходит со значительным опозданием,

когда несовершеннолетний уже совершил противоправное, уголовно наказуемое деяние или же у него сформировалась устойчивая зависимость от алкоголя.

Также, как отмечается в комментариях к действующему УК РФ, к ответственности по ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ подлежит привлечению не только педагог образовательного учреждения, в котором обучается несовершеннолетний, но и любой иной педагогический работник, на которого в отношении конкретного подростка, вовлеченного в совершение преступления или совершение антиобщественных действий, распространяется обязанность осуществлять воспитательную функцию.

«К иным лицам нужно относить опекуна (попечителя), приемных родителей, отчима, мачеху, родственников подростка, которые взяли последнего на постоянное воспитание» [22, с. 190] - пишут специалисты.

Также к числу иных лиц, ответственных за воспитание несовершеннолетнего потерпевшего, как отмечается в литературе, можно отнести «медицинских, социальных работников, психологов и других специалистов» [20].

Специальным является субъект преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ – в качестве такового выступает физическое лицо, состоящее в трудовых отношениях с организацией или индивидуальным предпринимателем и непосредственно осуществляющее отпуск алкогольной продукции покупателям, т.е. продавец, обязанный соблюдать правила розничной торговли алкогольной продукцией. Руководитель и собственник организации, индивидуальный предприниматель, осуществляющие лицензированную деятельность по продаже алкогольной продукции, но непосредственно не осуществлявшие отпуск, могут быть соучастниками данного противоправного деяния (организаторами, пособниками, подстрекателями).

## **Глава 3 Анализ составов преступлений, связанных с нарушением права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье (ст. 153-155 УК РФ)**

### **3.1 Объективные признаки преступлений, связанных с нарушением права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье**

К числу преступлений, связанных с нарушением права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье относятся: ст. 153 УК РФ «Подмена ребенка»; ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)»; ст. 155 УК РФ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)».

Уголовная ответственность за подмену ребенка предусмотрена в ст. 153 УК РФ. Непосредственным объектом, на который посягает виновный, совершая рассматриваемое преступное деяние, выступает личная свобода ребенка, его право жить и воспитываться в семье, предусмотренное ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации [53] (СК РФ), а также естественное право родителей воспитывать своих детей, закреплённое в ст. 63 СК РФ.

Некоторые авторы в своих работах ведут речь о предмете анализируемого преступления, однако, с учётом того, что в диспозиции ст. 153 УК РФ речь идёт о подмене ребёнка, речь следует вести о потерпевшем. По распространённой точке зрения в качестве такового выступает ребёнок. Представляется возможным заметить, что это не совсем так, поскольку в результате виновных действий субъекта преступления, вред причиняется интересам не только того ребёнка, которого подменяют, но и тому ребёнку, которым подменяют первого. По этой причине, следует согласиться с мнением Е.А. Зубковой о том, что «правильнее использовать множественное число – детей» [17, с. 7].

В науке вызывает вопросы возраст ребёнка, подменяемого виновным. В этой связи высказывается следующее суждение: «Подмена возможна в отношении любого лица, не достигшего 18-летнего возраста и не осознающего своего происхождения, при условии, что родители не были с ним ознакомлены» [50, с. 120].

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» действительно есть указание на то, что «ребенок – лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия)», что является правильным толкованием термина, но не применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 153 УК РФ. Как верно отмечается исследователями, «применительно к ст. 153 УК РФ понятие «ребенок» следует толковать более узко, а именно как новорожденный ребенок» [62, с. 363].

В данном случае ключевым аспектом, обуславливающим возможность совершения преступления, является отсутствие у новорождённого (ребёнка в возрасте до 1 месяца) явно выраженных индивидуальных признаков, по которым ребёнка легко отличить от других детей аналогичного возраста.

Позиция, в соответствии с которой ребёнок, в возрасте до 18 лет может являться потерпевшим по данному составу преступления «при условии, что он не может идентифицировать себя в силу слабоумия, имеет схожие черты с подменяемым лицом» [17, с. 8] является надуманной.

Для устранения подобной неоднозначности толкования, с учётом вышесказанного, представляется целесообразным, путём внесения изменений в ст. 153 УК РФ, именовать деяние «подмена новорождённых детей» и в диспозиции статьи заменить аналогичным образом оборот «подмена ребёнка» на более точный оборот «подмена новорождённых детей».

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в совершении активных действий по подмене детей, т.е. фактической замене одного ребенка на другого ребёнка. Оконченным преступление считается с момента фактической замены одного ребенка другим.

Выделяют специфику способа совершения подмены – такие действия совершаются тайно, т.е. в условиях неочевидности таких противоправных действий.

Возможным способом осуществления подмены представляется и обман, поскольку виновное лицо может «поменять больного ребенка на здорового, живого – на мертвого» [50, с. 122].

Подмену ребенка следует разграничивать с иными составами преступлений. В частности, в разграничении с анализируемым составом нуждается деяние, предусмотренное в п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ – похищения заведомо несовершеннолетнего. Способ совершения похищения может быть разным, включая открытость совершения похищения, возможность применения насилия и т.д. Тогда как подмена всегда происходит тайно, иначе невозможно обеспечить достижение желаемого преступного результата.

При похищении и при подмене происходит захват или изъятие ребенка, лишение его возможности находиться со своими родителями, но при этом «замены» другим ребенком при похищении, как при подмене, не происходит.

Незаконное усыновление (удочерение) влечёт уголовную ответственность по ст. 154 УК РФ. Государственная политика России ориентирована на приоритетное развитие семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Законодательством предусмотрен ряд форм устройства данной категории детей:

- усыновление (удочерение),
- передача в приемную семью,
- передача под опеку (попечительство),
- помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения (детские дома, реабилитационные центры и т.д.).

Потерпевшими являются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. Данные понятия определены в ст. 1 Федерального закона от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по

социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [85]: дети-сироты - лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель; дети, оставшиеся без попечения родителей, - лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного или обоих родителей в связи с отсутствием родителей или лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), находящимися в лечебных учреждениях, объявлением их умершими и в иных установленных законом случаях.

Особенностью объективной стороны преступления, предусмотренного в рамках ст. 154 УК РФ представлена в виде таких самостоятельных деяний, как: незаконное усыновление (удочерение), незаконная передача на воспитание в приемную семью и незаконная передача под опеку (попечительство).

Порядок устройства детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание регламентируется целым комплексом нормативно-правовых документов – как законодательных, так и подзаконных актов, в частности: гл. 19-21 СК РФ, «Правилами передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории РФ и Правилами постановки на учет консульскими учреждениями РФ детей, являющихся гражданами РФ и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства», утвержденными постановлением Правительства РФ от 29.03.2000 г. № 275 [48], Постановлением Правительства РФ от 18.05.2009 г. № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» [47] и т.д.

То есть, нарушение предусмотренного иными нормативно правовыми документами, содержащими нормы семейного права, а также нормы-предписания процедурного характера, порядка усыновления (удочерения),

при соблюдении иных условий диспозиции ст. 154 УК РФ, влечёт ответственность в пределах санкции ст. 154 УК РФ.

Преступление окончено с момента фактического выполнения незаконных действий, связанных с усыновлением (удочерением).

Имеет определённые особенности квалификация деяния по анализируемому составу, если виновное лицо использует для достижения преступного результата подложные документы. В таком случае деяние должно квалифицироваться по совокупности ст. 154 и 327 УК РФ.

Разглашение тайны усыновления (удочерения) – ещё одно противоправное, уголовно наказуемое деяние, связанное с нарушением права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье. Подобный состав преступления обозначен в ст. 155 УК РФ. В соответствии со ст. 139 СК РФ судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка.

Сохранение тайны усыновления представляется необходимым как с позиции законодателя, так и с позиции общества (социума), поскольку с сохранением тайны усыновления сопряжено дальнейшее полноценное нравственное и духовное развитие несовершеннолетнего, его психологический комфорт и нормальная психоэмоциональная среда, в которой он находится. Например, разглашение тайны усыновления может повлечь насмешки над несовершеннолетним со стороны сверстников, унижительные эскапады, вытеснение несовершеннолетнего из той социальной группы, в которой он находится и, как негативный итог – социальная изоляция несовершеннолетнего.

В этой связи, для обеспечения сохранности информации о которой идёт речь, тайна усыновления охраняется, в том числе, возможностью уголовного преследования и наказания за разглашения данной тайны.

Объективная сторона анализируемого состава преступления состоит в разглашении тайны усыновления. Разгласить – значит довести определённую информацию (в данном случае, касающуюся усыновления или удочерения) до сведения хотя бы одного лица, не осведомлённом о данном факте, включая как само усыновлённое (удочерённое) лицо, так и любое другое лицо. Форма разглашения (устная, письменная, отправка сообщения в сети «Интернет», публичное сообщение, публикация в СМИ и т.д.) не имеет квалифицирующего значения. Круг лиц, которым стало известно о тайне усыновления (удочерения) также не имеет правоустанавливающего значения – это может быть одно лицо или неопределённый круг лиц (в случае обнародования тайны усыновления публично).

Однако, чтобы разглашение обозначенной выше тайны было уголовно-наказуемым, информация должна быть разглашена вопреки воле (без согласия) усыновителя (или усыновителей, если в таковом качестве выступают супруги).

Дача усыновителем или усыновителями своего согласия на разглашение тайны усыновления однозначно исключает уголовную ответственность по ст. 155 УК РФ.

Следуя логике состава, преступление является оконченным с момента разглашения сведений об усыновлении (удочерении), т.е. с момента доведения данной информации до сведения кого-либо, не являющегося допущенным к тайне усыновления на законных основаниях.

Представляется, что способ разглашения тайны усыновления (удочерения) оказывает влияние на размер тех возможных негативных последствий, которые сопряжены с противоправным разглашением.

В частности, разглашение сведений об усыновлении одному только усыновлённому может причинить вред его душевному равновесию меньший, чем если такая информация будет обнародована публично в отношении неопределённого круга лиц. В этой связи, представляется целесообразным в рамках ст. 155 УК РФ предусмотреть квалифицирующий признак,



закрывающийся в разглашении с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), что имеет место относительно ряда других составов преступлений.

Совершение многих преступлений в современной действительности посредством цифрового пространства становится всё более распространённым, облегчает виновному достижение преступной цели, а, следовательно, повышает общественную опасность деяния.

Подобное дополнение становится всё более и более актуальным относительно широкого круга составов, с учётом той роли, что имеет на сегодняшний момент информационное пространство в жизни общества.

Представляется, что когда речь идёт о распространении информации, на что законодателем наложен уголовно-правовой запрет, возможность такого распространения в сети «Интернет» должна в обязательном порядке предусматриваться законодателем.

Таким образом, в ст. 155 УК РФ целесообразно выделить ч. 2 следующего содержания: «2. То же деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)».

### **3.2 Субъективные признаки преступлений, связанных с нарушением права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье**

С субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 153 УК РФ, совершается только с прямым умыслом, учитывая то, что деяния, предполагающие формальный состав, с косвенным умыслом совершены быть не могут.

Безусловно, подмена детей по неосторожности (по невнимательности, халатности и т.д.) не является преступной и не влечёт уголовной

ответственности для лица, неумышленно подменившего детей, ведь в таком случае не преследуется преступная цель, отсутствует противоправная мотивация и лицо не желает наступления противоправных последствий.

Тем не менее, подмена детей сотрудником соответствующего учреждения (родильного дома и т.д.) без умысла на это может повлечь привлечение к дисциплинарной ответственности, что остаётся за рамками исследуемого нами уголовно-правового аспекта.

Важно отметить, что субъективная стороны деяния, обозначенного в ст. 153 УК РФ, предполагает наличие строго определённого мотива, включённого законодателем в диспозицию нормы – это корыстный мотив, или иные низменные побуждения. В этой связи, подмена детей, осуществлённая кем-либо из благих побуждений (из сострадания, или жалости, из чувства любви и привязанности т.д.) не влечёт уголовную ответственность по анализируемой статье УК РФ. При этом заметим, что в науке дискутируется вопрос о соотношении категорий «корыстный мотив» и «корыстные побуждения». Основа для данной дискуссии – сходство рассматриваемых категорий, приводящее к их смешению при толковании и употреблении в научной и законодательной практике.

И.Г. Тютюнник отмечает: «Иллюзия отсутствия существенной разницы между данными понятиями, вызванная сходством их побудительной функции, порой принимается за совпадение их содержания. Отсутствие четкого понимания мотивов, их смешение с побуждениями создает трудности в реализации соответствующих правовых норм» [59, с. 36].

Корысть, как понятие, предполагает материальную заинтересованность, стремление удовлетворения материальных (имеющих денежную оценку) потребностей субъекта.

Не вдаваясь глубоко в суть дискуссии, представляется, что при конструировании составов, законодателю следует придерживаться определённого терминологического единства. Как верно подчёркивается в науке, «мотивы и побуждения имеют непосредственное отношение к

совершаемым преступлениям. Однако в уголовно-правовом отношении первостепенное значение имеют мотивы конкретных волевых преступных актов, контролируемых сознанием индивида» [59, с. 37].

Побуждения же являются не вполне корректной категорией относительно их учёта, ведь побуждения, относясь к эмоциональной сфере, не образуют ту движущую силу, которая запускает механизм противоправного поведения. Таким образом, законодателю следует использовать в УК РФ (в том числе, при формулировании диспозиции ст. 154 УК РФ) понятие «корыстный мотив», а от использования категории «корыстное побуждение» стоит отказаться, с учётом того, что уголовная ответственность наступает за реальные действия, а не побуждения. Тем не менее, такое деяние, как отмечается некоторыми авторами, может быть квалифицировано как «похищение заведомо несовершеннолетнего по п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ, поскольку подмену ребенка следует рассматривать как специальный случай похищения человека» [38, с. 335].

Субъект преступления общий – им может выступать вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. С субъективной стороны, преступление, предусмотренное ст. 154 УК РФ, аналогично, как и вышеуказанное деяние, преследуемое по ст. 153 УК РФ, совершается только с прямым умыслом.

Важно заметить, что законодатель предусматривает два альтернативных криминообразующих признака, наличие любого из которых влечет уголовную ответственность по ст. 154 УК РФ: это совершение противоправных действий, связанных с незаконным усыновлением (удочерением) неоднократно, либо однократное, но из корыстных побуждений.

Аналогично тому, что было сказано выше по субъективному критерию состава ст. 153 УК РФ, законодателю следовало бы вести речь не о корыстном побуждении, а о корыстном мотиве.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)» – специальный: это физические лица, в силу своих служебных полномочий принимающие участвующие в процессе семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и от которых зависит принятие окончательного решения (работники государственных и муниципальных органов и учреждений, аппарата администрации региона, лечебных и детских учреждений, работники органов опеки и попечительства, усыновители, опекуны и др.).

Субъект разглашения тайны усыновления (удочерения), предусмотренный ст. 155 УК РФ двойкий: это может быть специальный субъект – то есть, лицо, на которое возложена обязанность хранить тайну усыновления (удочерения) в силу служебного положения (судьи, работники государственных и муниципальных органов и учреждений) или в силу осуществляемой профессиональной деятельности (юристы, в том числе, адвокаты); это может быть общий субъект – любые физические лица, которым стало известно о факте усыновления по иным основаниям (соседи, знакомые усыновителей, их родственники и т.п.).

Однако, для общего субъекта законодатель предусматривает особый субъективный критерий – данные лица привлекаются к ответственности только за разглашение тайны усыновления (удочерения) руководствуясь корыстными и иными низменными побуждениями, в качестве которых выступают месть, зависть и т.д.

Субъективная сторона, в целом, характеризуется прямым умыслом, а специальный мотив предусмотрен для общего субъекта, в то время как для специального субъекта наличие обозначенного выше мотива не является важным (хотя и может влиять на индивидуализацию ответственности и наказания).

## **Глава 4 Анализ составов преступлений, связанных с невыполнением родителями и детьми своих обязанностей (ст.ст. 156, 157 УК РФ)**

### **4.1 Объективные признаки преступлений, связанных с невыполнением родителями и детьми своих обязанностей**

К числу преступлений, связанных с невыполнением родителями и детьми своих обязанностей, относятся: ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего»; ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей».

Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего предусмотрено в рамках ст. 156 УК РФ. Непосредственным объектом данного противоправного посягательства, как указывается в учебной литературе, «выступают интересы несовершеннолетнего в получении нормального физического развития и нравственного воспитания. Дополнительными факультативными объектами могут быть честь и достоинство, жизнь и здоровье, личная свобода, половая свобода и половая неприкосновенность» [62, с. 365].

Особенностью объективной стороны анализируемого состава преступления является то, что оно совершается в форме бездействия (большая часть преступлений совершается в форме активного действия), что просматривается уже в обороте, используемом в самом наименовании ст. 156 УК РФ – «неисполнение обязанностей».

Таким образом, характер преступного принимает неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего или осуществлению надзора за ним.

Законодатель, к сожалению, не конкретизирует содержание понятия «неисполнение обязанностей по воспитанию» и «ненадлежащее исполнение

обязанностей по воспитанию», что обуславливает разнообразные точки зрения на этот счёт.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в одном из своих определений от 19.06.2012 г. № 38-КГ12-1 разъясняет следующее: «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего может выражаться, в частности, в уклонении от выполнения обязанностей по обеспечению потребностей несовершеннолетнего в питании, одежде и обуви по сезону, проживании в благополучных санитарно-гигиенических условиях, полноценном отдыхе и сне, средствах гигиены, в своевременном получении медицинской помощи и лечении при болезни... также в невыполнении обязанностей по обеспечению прав несовершеннолетнего на общение с родителями и сверстниками, по созданию условий для получения несовершеннолетним образования, для его занятий спортом, музыкой, танцами, рисованием, конструированием, проявления им иных видов творческой и физической активности, удовлетворения им других своих интересов и потребностей» [36].

Подход высшей судебной инстанции к пониманию категории «ненадлежащее исполнение обязанностей ВС РФ определяет как «действие и бездействие, выражающиеся в некачественном и не в полном объеме выполнении обязанностей по воспитанию, в применении запрещенных законом способов и методов воспитания, эксплуатации несовершеннолетнего, в формировании асоциальной направленности личности несовершеннолетнего», а также «в нечетком, нерадивом, формальном, несвоевременном, неправильном их выполнении, в злоупотреблении правами по воспитанию несовершеннолетнего» [36].

Однако, не всякое неисполнение или ненадлежащее исполнение обозначенных обязанностей квалифицируется по объективной стороне как преступное. Такое деяние должно быть сопряжено с жестоким обращением с несовершеннолетним.

Таким образом, обязательным криминообразующим признаком объективной стороны анализируемого в данном параграфе исследования деяния является жестокое обращение с несовершеннолетним.

Представляется, что без адекватного понимания и толкования оборота «жестокое обращение» невозможно осуществлять правоприменительную деятельность. В этой связи, необходимо обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [45] жестокое обращение с детьми может проявляться в физическом или психическом насилии, в покушении на половую неприкосновенность, в применении недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей).

Квалификация анализируемого деяния имеет свои особенности, если в результате неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего был причинен вред жизни или здоровью несовершеннолетнего (тяжкий, средней тяжести или легкий). В такой ситуации, как представляется, имеет место совокупность преступлений, требующая квалифицировать деяние по совокупности ст. 156 УК РФ и соответствующих статей УК РФ, предусматривающих ответственность за причинение вреда здоровью различной степени тяжести. При этом, нанесение несовершеннолетнему побоев или истязание не требует квалификации деяния по совокупности со ст. 116 и 117 УК РФ, поскольку анализируемый признак «жестокое обращение» уже включает в себя побои и (или) истязание в качестве возможной формы осуществления жестокого обращения.

Неисполнение обязанностей по смыслу ст. 156 УК РФ представляет собой «не совершение действий по воспитанию несовершеннолетнего, принятие мер, которые виновное лицо должно было принимать в силу своих обязанностей. Нельзя вменить в вину не совершение тех действий по

воспитанию несовершеннолетнего, которые не входили в обязанности привлекаемого к ответственности лица» [22, с. 319].

Есть мнение [5], что понятия «неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» и «ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» следует определить нормативно для обеспечения единства правоприменения и исключения двоякого толкования.

Исходя из отмеченного специалистами, под неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего следует понимать «умышленное виновное противоправное деящееся бездействие лица, представляющее определенную систему, линию поведения субъекта, обязанного осуществлять в соответствии с законом или иным нормативным актом либо договором, обязанности по воспитанию либо надзору за несовершеннолетним, проявляющиеся в заботе о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка, а также о его здоровье» [20, с. 319].

Понятие «ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» можно рассматривать как «умышленное виновное противоправное действие и бездействие лица, обязанного осуществлять в соответствии с законом или иным нормативным актом либо договором обязанности по воспитанию несовершеннолетнего и надзору за ним, проявляющееся в некачественном, не в полном объеме выполнении обязанностей по воспитанию, в применении запрещенных законом способов и методов воспитания, эксплуатации несовершеннолетнего, в формировании асоциальной направленности личности несовершеннолетнего» [21, с. 200] – указывается авторами.

У мнения о необходимости нормативного регулирования данных категорий есть свои противники, однако, представляется, что соответствующую позицию в определении составообразующих понятий



законодателю высказать, например, в примечании к ст. 156 УК РФ, следовало бы.

Неуплата средств на содержание нетрудоспособных родителей или детей – по сути, два состава преступления, связанных с невыполнением родителями и детьми своих обязанностей в рамках одной ст. 157 УК РФ. Для того, чтобы иметь понимание относительно тех обязанностей, о которых идёт речь в рассматриваемой уголовно-правовой норме, нам необходимо обратиться к положениям гл. 13 СК РФ, в рамках которой регламентируются обязанности содержания родителями детей, а также детьми родителей. Обязанности, о которых идёт речь, являются взаимными, и законодатель возлагает их как на родителей в отношении несовершеннолетних детей, так и на совершеннолетних детей в отношении нетрудоспособных и нуждающихся родителей.

Категория содержание применительно к любому из перечисленных в ст. 157 УК РФ составов предполагает материальное обеспечение в виде предоставляемых для жизни материальных благ.

Такие обязанности имеют характер алиментных обязательств, исполнение которых государство обеспечивает, с учётом важности вопроса, в том числе, мерами уголовно-правового воздействия.

Как уже было отмечено выше, дифференциация ответственности по рассматриваемому преступлению произведена по субъекту деяния, чьё преступное бездействие имеет место – либо, это родители (ч. 1 ст. 157 УК РФ), либо это совершеннолетние трудоспособные дети (ч. 2 ст. 157 УК РФ).

По ч. 1 ст. 157 УК РФ, потерпевшими выступают либо дети, не достигшие возраста совершеннолетия (то есть возраста 18 лет), которые, презюмируются нуждающимися в содержании, или, (альтернативно), дети, которые достигли данного возраста, но являются нетрудоспособными гражданами. К таковым относятся «лица, которые в силу физического или психического недуга не могут трудиться и обеспечивать свое существование. Нетрудоспособность должна подтверждаться соответствующими

медицинскими документами, выданными на основании заключения медико-социальной экспертизы» [31].

При этом, учитываются положения Федерального закона от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [88], которым регламентирован соответствующий круг вопросов, связанных с подтверждением нетрудоспособности.

Потерпевшими по ч. 2 ст. 157 УК РФ будут являться нетрудоспособные родители (включая усыновителей, обладающих равным статусом с биологическими родителями), т.е. граждане из числа малочисленных народов Севера, достигшие возраста 55 и 50 лет (соответственно мужчины и женщины), граждане, достигшие возраста 70 и 65 лет (соответственно мужчины и женщины), а также инвалиды I или II группы, которые относятся к категории «нетрудоспособные», в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [84].

Объективная сторона деяния выражена в виде злостного уклонения родителя от уплаты в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста (по ч. 1 ст. 157 УК РФ), либо, аналогично, в виде злостного уклонения совершеннолетних трудоспособных детей от уплаты в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание родителей (по ч. 2 ст. 157 УК РФ), если любое из обозначенных деяний совершено неоднократно.

Важным и обязательным условием привлечения к ответственности по ст. 157 УК РФ является отсутствие уважительных причин невыплаты средств. В науке к таковым относят: «безработицу, проблемы со здоровьем, отсутствие реальных источников дохода и т.д.» [21, с. 251].

Однако, есть позиция, относительно безусловности обязанности содержать детьми своих нетрудоспособных престарелых нуждающихся

родителей, выраженная в тексте Постановления Президиума ВС РФ от 18.12.2002 г., в соответствии с которой: «Эта обязанность (в отличие, к примеру, от обязательств супругов друг перед другом) носит безусловный характер и не связывается законодателем с наличием либо отсутствием у гражданина постоянного и достаточного дохода. То есть вне зависимости от материального и семейного положения взрослых трудоспособных детей родители вправе получить от них необходимое для поддержания жизнедеятельности содержание» [49].

Именно на данное Постановление ссылаются указанные выше Методические рекомендации, исходящие от Федеральной службы судебных приставов РФ. Представляется, что данное Постановление Президиума ВС РФ касается гражданско-правового аспекта содержания родителей их совершеннолетними детьми, а не уголовно-правового, несмотря на кажущееся сходство данных аспектов. Обязанность действительно носит безусловный характер, а уголовно-наказуемым является только её невыполнение без уважительной причины. Если бы законодатель предполагал безусловность анализируемой обязанности относительно привлечения неплательщика к уголовной ответственности, диспозиция статьи не включала бы в себя такой признак, как «уважительная причина».

Таким образом, вопрос толкования категории «уважительная причина» применительно к анализируемым составам является дискуссионным, что создаёт определённые проблемы в правоприменении.

Представляется, что официальная позиция по данному вопросу, а также комплекс иных вопросов, связанных с проблемами в правоприменительной практике, должна быть обозначена в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних».

Способами такой неуплаты в рамках состава могут быть: сокрытие работы по найму, гражданско-правовому договору или иных источников

дохода лица, на котором лежит обязанность содержания, продаже либо переоформлении имущества на третьих лиц и т.д.

При этом, представлении лицом ложных сведений о месте своей работы, своих доходах, имуществе и т.д. не должно пониматься, как деяние, предусмотренное ст. 157 УК РФ в форме действия – такое толкование не верно. Бездействием является то, что виновный осуществляет относительно юридической обязанности – он её не исполняет, т.е. бездействует. То, какие побочные физические и иные действия при этом совершает индивид – не имеет квалифицирующего значения и должно рассматриваться лишь как способ неуплаты.

Обязательным признаком также является неоднократность, которая имеет место, если лицо было подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние, которое предусмотрено ст. 5.35.1 КоАП РФ [19] в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, т.е. со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня исполнения данного постановления (ст. 4.6 КоАП РФ).

То есть, чтобы быть привлечённым к уголовной ответственности, лицо должно быть, первоначально, привлечённым к ответственности административной. Подобный подход законодателя является правильным, поскольку уголовно-правовое воздействие является исключительной мерой воздействия.

Анализируемые нами составы преступлений, предусмотренные в рамках ст. 157 УК РФ, являются формальными – они считаются оконченным с момента неуплаты алиментных платежей вне зависимости от наступления общественно опасных последствий. Также следует отметить, что неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей относится к категории длящихся преступлений.

## **4.2 Субъективные признаки преступлений, связанных с невыполнением родителями и детьми своих обязанностей**

С субъективной стороны состав преступления, предусмотренный в ст. 156 УК РФ, безусловно, характеризуется умышленной формой вины. Кроме того, Субъект неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего – специальный: достигшее 16-летнего возраста лицо, являющееся родителем или иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогический работник или другой работник образовательной или медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним.

С субъективной стороны, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 157 УК РФ, совершается с прямым умыслом – желанием уклониться от уплаты средств на содержание детей.

Как представляется, на практике, при установлении прямого умысла лица на совершение преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, должны учитываться фактические обстоятельства, указывающие на отсутствие (или наличие) такого умысла. Во внимание должны приниматься сведения об отсутствии фактической и реальной возможности осуществлять выплаты (утрата трудоспособности по инвалидности, беременность и др.), вина в невыплате средств со стороны иных лиц (невыплата заработной платы работодателем, задержка или неправильное перечисление банком алиментных сумм) и т.д. Уголовное преследование по составам преступлений, ст. 157 УК РФ возможно лишь при наличии прямого умысла.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ – специальный: родители и усыновители, записанные в качестве таковых в книге записей актов гражданского состояния. Исключение будут составлять усыновители, когда решение об усыновлении ребенка отменено.

Важно иметь в виду, что к числу таковых также относятся и родители, которые были лишены родительских прав, а их дети воспитываются родственниками или помещены в детские воспитательные учреждения, а также лица, отцовство которых установлено в судебном порядке. Собственно, подобное установление как раз и обусловлено необходимостью содержания несовершеннолетнего, а не желанием воззвать к чувствам человека, отцовство которого устанавливалось в порядке судебного производства.

При этом, лица, на которых суд возложил обязанность по воспитанию детей (к примеру, дальние родственники), опекуны, попечители не могут выступать субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ.

При усыновлении ребенка кровные родители также не могут быть субъектами данного преступления, поскольку был осуществлён переход всех родительских обязанностей к усыновителям.

Что же касается субъективной стороны неуплата средств на содержание нетрудоспособных родителей (ч. 2 ст. 157 УК РФ), данное преступление, аналогично ч. 1 ст. 157 УК РФ, совершается с прямым умыслом, который реализуется в контексте желания лица уклониться от уплаты средств на содержание нетрудоспособных нуждающихся родителей. Лицо должно осознавать свою нереализуемую добровольно обязанность содержать престарелого нетрудоспособного родителя.

Субъект по ч. 2 ст. 157 УК РФ – совершеннолетние трудоспособные как родные дети, так и усыновленные (удочеренные), обязанные по решению суда или нотариально удостоверенному соглашению материально содержать нетрудоспособных родителей.

При этом совершеннолетние, трудоспособные дети не могут выступать субъектами преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 157 УК РФ за неуплату алиментов на содержание своих нетрудоспособных родителей, в случае если последние были лишены родительских прав.

## Заключение

В заключение работы подведём её итоги и сформулируем общие выводы.

С учётом приоритетов защиты интересов семьи и несовершеннолетних, как одной из наиболее уязвимых категорий российских граждан, актуализированы вопросы совершенствования уголовно-правовых мер, направленных на защиту данного объекта уголовно-правовой охраны.

Россия, «взяв курс» на построение действительно правового и социального государства, обозначила в ряду приоритетов защиту интересов семьи и несовершеннолетних. Реализация подобной задачи государства должна обеспечиваться не только соответствующей социальной, но и уголовной политикой, инструментом которой является уголовный закон.

Безусловно, противоправные посягательства на интересы семьи и несовершеннолетних членов общества должны эффективно пресекаться любыми доступными правовыми средствами, включая наиболее жёсткие меры уголовно-правового характера.

Проведённый сравнительно-правовой анализ норм зарубежного уголовного законодательства, касающихся преступлений, посягающих на семью и несовершеннолетних, можно сделать вывод о сходстве фундаментальной составляющей соответствующих положений, при наличии различий в регламентации ответственности и обязательных признаков деяний.

Отдельные составы анализируемых преступлений, присутствующие в нормах зарубежного уголовного законодательства отсутствуют в действующем УК РФ. Вопрос их рецепции и включения в имеющийся в настоящее время ряд преступлений против семьи и несовершеннолетних является дискуссионным – например, криминализация инцеста между совершеннолетними лицами, равно как и вопрос о криминализации

многожёнства. Представляется, что с рецепцией подобных положений отечественному законодателю нельзя спешить.

Относительно проблемы нормативного регулирования и квалификации преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность, следует отметить следующее: хотя и перечень способов вовлечения в совершение преступления является открытым, тем не менее, простой рассказ «о прелестях воровской жизни», о личном примере совершения преступлений не может рассматриваться как вовлечение и не может квалифицироваться по ст. 150 УК РФ. Что касается простого выражения просьбы о совершении преступления несовершеннолетним, не подкреплённой активными действиями, то подходы к квалификации такого действия как способа вовлечения противоречивы.

Полагаем, что для приведения следственно-судебной практики к некому единообразию, было бы целесообразно обозначить решение данного вопроса в рамках разъяснения Пленума в контексте уточнения способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступного деяния.

Заслуживает внимания также проблема квалификации преступного деяния в случае осуществления вовлечения подростка в совершение ряда самостоятельных преступных деяний.

На этот счёт есть две основные точки зрения. В соответствии с первой, независимо от числа преступлений, совершённых несовершеннолетним, виновному вовлекателю инкриминируется один состав преступления, по ст. 150 УК РФ. Другая позиция заключается в квалификации вовлечения в совершение преступления каждого случая совершения преступления потерпевшим в отдельности как за совокупность преступлений.

Думается, что правильный ответ на данный вопрос будет зависеть от деталей. В частности, от того, совершение какого предполагаемого числа преступных деяний со стороны потерпевшего предполагалось виновным и охватывалось его умыслом? Если умыслом охватывалось совершение сразу



нескольких посягательств, то у нас нет оснований привлекать виновного за совокупность преступлений по ст. 150 УК РФ.

Опять же, имеет значение, за какой период времени потерпевшим совершено несколько преступных деяний, под влиянием совершеннолетнего вовлекателя. Если между совершёнными деяниями значительные временные промежутки (полгода, год) то вряд ли вообще можно вести речь об ответственности вовлекателя за совокупность преступлений.

Относительно квалификации по ст. 151 УК РФ в правоприменительной практике возникают трудности, которые связаны с токованием критерия вовлечение в «систематическое употребление» алкоголя или одурманивающих веществ.

В стране отсутствует единая следственно-судебная практика привлечения к ответственности виновных лиц, которые систематически вовлекали подростков в совершение обозначенных антиобщественных действий. В некоторых регионах России практика ориентируется на то, что преступление считается оконченным, если выявлено больше одного факта вовлечения конкретного несовершеннолетнего конкретным совершеннолетним лицом, в других регионах – не менее двух, или не менее трёх случаев умышленного вовлечения позволяют сделать вывод о систематическом употреблении.

Данный вопрос также нуждается в официальном комментарии со стороны Пленума Верховного Суда РФ.

В науке есть предложения о дополнении существующего в ст. 151 УК РФ перечня видов антиобщественных действий таким, как азартные игры, которые представляют существенную опасность для обеспечения нормального развития и нравственного воспитания несовершеннолетних.

Негативное влияние азартных игр на не до конца сформированную личность несовершеннолетних и их представления сложно переоценить. У детей утрачиваются социально одобряемые жизненные ориентиры, снижается общий уровень культуры, а также может сформироваться своего

рода зависимость от азартных игр – так называемая «игромания», или лудомания.

Есть несколько предложений на этот счёт. Одни полагают, что в УК РФ необходимо выделить отдельную статью, которая бы предусматривала ответственность за вовлечение несовершеннолетних в азартные игры. Другие авторы предлагают внести изменения в действующую редакцию ст. 151 УК РФ, в целях криминализации вовлечения в такой вид антиобщественной деятельности.

Анализируя оба подхода к решению проблемы, представляется более правильным, осуществляя «экономии текста», относительно нормативного структурирования положений УК РФ, внести изменения в уже имеющуюся ст. 151, а не создавать отдельную статью в тексте УК РФ.

В качестве обязательного признака данного деяния необходимо зафиксировать проведение азартной игры на деньги или иное имущество, что как раз и создаёт предпосылки для криминализации деяния и представляет общественную опасность, игнорировать которую нельзя.

Таким образом, диспозицию ч. 1 ст. 151 УК РФ следует сформулировать следующим образом: «Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие азартными играми на деньги или иное имущество, занятие бродяжничеством, попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста».

Следует оценить положительно предпринимаемые законодателем меры по защите несовершеннолетних, путём установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к совершению противоправных действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего.

В современном обществе появляются новые и новые формы оказания влияния на сознание ребенка и мотивацию его поведения, которые не охватываются действующими составами. Появление отдельной нормы,

посвящённой ответственности за совершение иных противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, продиктовано появившейся в современном обществе практики вовлечения лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста, подростков в массу всевозможных потенциально опасных форм «досуга» – например, так называемый, «трейнсерфинг» (проезд на крыше поезда) и т.д.

Формирование новых составов, направленных на защиту несовершеннолетних, с учётом современных реалий, продолжает осуществляться. Поскольку введение новых уголовно-правовых норм, рассмотренных выше произошло совсем недавно, нарабатанная практика их применения пока что отсутствует. А эффективность противодействия вовлечению несовершеннолетних в суицидальную и иную опасную для жизни и здоровья деятельность с помощью потенциала уголовного права покажет время.

Относительно проблемы нормативного регулирования и квалификации преступлений, связанных с нарушением права несовершеннолетних жить и воспитываться в семье, можно отметить, что для уточнения диспозиции ст. 153 УК РФ и устранения неоднозначности в толковании, с учётом вышесказанного, представляется целесообразным, путём внесения изменений в ст. 153 УК РФ, именовать деяние «подмена новорождённых детей» и в диспозиции статьи заменить аналогичным образом оборот «подмена ребёнка» на более точный оборот «подмена новорождённых детей».

Представляется, что способ разглашения тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ) оказывает влияние на размер тех возможных негативных последствий, которые сопряжены с противоправным разглашением. В частности, разглашение сведений об усыновлении одному только усыновлённому может причинить вред его душевному равновесию меньший, чем если такая информация будет обнародована публично в отношении неопределённого круга лиц. В этой связи, представляется целесообразным в рамках ст. 155 УК РФ предусмотреть квалифицирующий

признак, заключающийся в разглашении с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), что имеет место относительно ряда других составов преступлений.

Подобное дополнение становится всё более и более актуальным относительно широкого круга составов, с учётом той роли, что имеет на сегодняшний момент информационное пространство в жизни общества.

Таким образом, в ст. 155 УК РФ целесообразно выделить ч. 2 следующего содержания: «2. То же деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)».

Относительно проблемы нормативного регулирования и квалификации преступлений, связанных с нарушением невыполнением родителями и детьми своих обязанностей, можно отметить, что в рамках состава, обозначенного в ст. 156 УК РФ следует конкретизировать понятия «неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» и «ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего».

Соответствующую позицию в определении составообразующих понятий законодателю следует высказать, например, в примечании к ст. 156 УК РФ.

Говоря о составах деяний, предусмотренных ст. 157 УК РФ следует отметить, что вопрос толкования категории «уважительная причина», наличие которой позволит лицу избежать уголовной ответственности за неуплату средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших 18 лет (по ч. 1 ст. 157 УК РФ), или неуплату средств на содержание родителей (по ч. 2 ст. 157 УК РФ), применительно к анализируемым составам, является дискуссионным, что создаёт определённые проблемы в правоприменении.

Представляется, что официальная позиция по данному вопросу, а также комплекс иных вопросов, связанных с проблемами в правоприменительной практике, должна быть обозначена в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних».

Подводя общий итог, следует отметить необходимость продолжения работы в направлении усиления защиты института семьи и несовершеннолетних. Дети – будущее нашей страны, а здоровая семья – опора этого будущего. Поэтому совершенствование уголовно-правовых способов защиты интересов лиц, не достигших возраста совершеннолетия должно продолжаться с учётом обоснованных научных предложений.

При этом следует отметить необходимость своевременного принятия соответствующих Постановлений Пленума Верховного Суда РФ по актуальным проблемам правоприменения в данном направлении, что также должно способствовать формированию единообразия в следственно-судебной практике, а значит – более чёткой и слаженной работе правоохранительных структур.

## Список используемой литературы и используемых источников

1. Акиев А.Р. Структура главы о преступлениях против семьи и несовершеннолетних // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 2 (81). С. 63-67.
2. Алиев У.А. Уголовно-правовые и криминологические особенности предупреждения религиозного экстремизма // Российский следователь. 2012. № 15. С. 34-37.
3. Ахмедова С.Ш. Ответственность за вовлечение малолетних и несовершеннолетних в антиобщественную деятельность: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дисс. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 2001. 251 с.
4. Бабичев А.Г. Убийство (ч. 1 ст. 105 УК России): уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006. 237 с.
5. Богатова Ю.В., Западнава Ю.А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: проблемы квалификации // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 2. С. 18-25.
6. Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: Дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2002. 214 с.
7. Вишнякова Н.В., Расщупкина О.Н. Уголовное право России. Особенная часть. - Омск, 2013. 387 с.
8. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета, 10.12.1998.
9. Гайнуллина А.В. Учет психологических аспектов при расследовании групповых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 180-191.
10. Гальцова В.В. К проблеме объекта и системы преступлений против семьи, прав и интересов несовершеннолетних // Проблемы законности. 2014. № 125. С. 226-229.

11. Гринберг М.С. Еще раз о специальной вменяемости и о юридически значимой причинной связи // Государство и право. 2007. № 3. С. 103-107.
12. Данилова С.И., Реуцкая И.Е. Особенности уголовно-правовой квалификации и производства предварительного расследования по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий. – М., 2010. 145 с.
13. Даньшин И.Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. – М., 1973. 83 с.
14. Джинджолия Р.С. Преступления против личности с оценочными признаками: вопросы квалификации: монография. – М. : Русайнс, 2015. 215 с.
15. Думанская Е.И. Мотив преступления в уголовном праве // Вопросы юриспруденции. Приложение к ежеквартальному научно-теоретическому и информационно-практическому журналу "Российский юридический журнал". 2005. № 1 (2). С. 114-119.
16. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (Вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
17. Зубкова Е.А. Подмена ребёнка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. Т. 6. С. 7-11.
18. Игнатьев А.А. Уголовный закон охраняет права несовершеннолетних. – М., 1971. 80 с.
19. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. – М. : Проспект, 2017. 880 с.
21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 3 т. / Под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. Т. II. - М., 2016. 690 с.
22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. Т. 1. – М. : Юрайт, 2017. 520 с.

23. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.

24. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. №144.

25. Коровин Е.П. Вовлечение в совершение преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации: Монография. - М. : Илекса, 2010. 169 с.

26. Красовская О.Ю. Преступления против семьи и несовершеннолетних: учебное пособие. – Саратов : ООО ИЦ «Наука», 2013. 56 с.

27. Лихолетов А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному игорному бизнесу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. 20 с.

28. Материалы административного дела № 2-783, 784/2013 Ярцевского городского суда Смоленской области.

29. Материалы уголовного дела №1-37/2010 судебного участка № 2 г. Новочеркаска Ростовской области.

30. Международный пакт о гражданских и политических правах (вместе с «Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах») принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

31. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) от 26.05.2017 г. // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. № 7, 2017.



32. Мосечкин И.Н. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в занятие азартными играми // Безопасность бизнеса. 2014. № 3. С. 30-37.

33. Мустафаев М.Х. Субъективная сторона преступления как детерминант эффективности криминалистической методики // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 256-260.

34. Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2006 г. по делу № 1-006-19 // СПС «Консультант плюс» (Документ официально опубликован не был).

35. Определение Верховного Суда РФ от 12.11.2004 г. № 24-о04-5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

36. Определение Верховного Суда РФ от 19.06.2012 г. № 38-КГ12-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

37. Палий В.В. Объект преступлений против семьи и несовершеннолетних: спорные вопросы // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 89-93.

38. Палий В.В. Подмена ребенка: проблемы толкования нормы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Седьмой Международной научно-практической конференции 28-29 сентября 2010 г. - М. : Проспект, 2010. С. 334-337.

39. Панфилов Е.Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: актуальные проблемы квалификации глазами молодежи // Актуальные проблемы права и управления глазами молодежи: Материалы международной научной студенческой конференции (Тула, 28-29 марта 2014 года). - Тула, 2014. С. 131-138.

40. Петрикова С.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Социально-экономические и правовые проблемы регионального развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции X Макаркин. науч. чтения. - Саранск, 2011. С. 395-399.

41. Понкин И.В. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 250-254.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4, апрель, 2011.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. (Акт утратил силу)

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень ВС РФ. 2008. № 1.

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 1998.

46. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1976 г. № 16 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» // СПС «Консультант плюс» (Акт утратил силу).

47. Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 г. № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» // СЗ РФ. 2009. №21. Ст. 2572.

48. Постановление Правительства РФ от 29.03.2000 г. № 275 «Об утверждении правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся

гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства» // СЗ РФ. 2000. № 15. Ст. 1590.

49. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18.12.2002 г. № 187пв02пр // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 8.

50. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних. – СПб., 2012. 189 с.

51. Рыбников М.М. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность // Молодежная политика в условиях формирования гражданского общества и правового государства: материалы межрегиональной студенческой научной конференции, Волгоград, 27 марта 2009 г. Волгоград, 2009. С. 135-145.

52. Севостьянов Р.А., Просвирин Е.В. Проблемы уголовно-правового регулирования организации и ведения незаконного игорного бизнеса: монография. - М. : Юрлитинформ, 2013. 217 с.

53. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

54. Сердюк Л.В., Одинцова Л.З. Вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ) // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 1. С. 20-24.

55. Сеницына Л.В., Бурдюг Д.Л. Игровая зависимость в противоправном поведении // Юридическая психология. 2008. № 2. С. 10-17.

56. Сокол Ю.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий как объект междисциплинарных исследований // Общество и право. 2011. № 4. С. 15-27.

57. Список одурманивающих веществ (по состоянию на 1 ноября 2005 г.) (утв. Постоянным комитетом по контролю наркотиков, протоколы от 09.10.1996 г. № 51/7-96, от 22.04.1998 г. № 2/64-98, от 14.04.1999 г. № 2/71-99, от 13.04.2005 г. № 2/98-2005) // Новая аптека. 2006. № 6.

58. Ткаченко А.А. Судебная психиатрия. Консультирование адвокатов. - М. : Логос, 2004. 145 с.

59. Тютюнник И.Г. Соотношение понятий «корыстного побуждения» и «корыстного мотива» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2015. № 4. С. 36-38.
60. Уголовное дело №1-195/14 // Архив Федерального суда Автозаводского района г. Тольятти Самарской области.
61. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. - М. : КОНТРАКТ, 2017. 589 с.
62. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. В.К. Дуюнова. – М. : РИОР: ИНФРА-М, 2020. 695 с.
63. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. – М., 2010. 543 с.
64. Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой.- М., 1997. 360 с.
65. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 г. № 787-IQ – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 325 с.
66. Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 г. № 2287 // Законодательный Вестник Грузии, 41(48), 13.08.1999 г.
67. Уголовный кодекс Испании от 23.11.1995 г. // <http://www.law.edu.ru>
68. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 г. № 19 // <https://online.zakon.kz/>.
69. Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2003 г. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 446 с.
70. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-3 // <https://online.zakon.kz/>.
71. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V // <https://online.zakon.kz/>.
72. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 г. № 985-XV. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 210 с.
73. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 г. № 574. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 177 с.

74. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2012-ХП // <https://online.zakon.kz/>.

75. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

76. Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 г. № 222-I // <https://online.zakon.kz/>.

77. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии от 15.05.1871 г. // <http://www.law.edu.ru>.

78. Уголовный кодекс Швейцарии от 21.12.1937 г. // <http://www.law.edu.ru>.

79. Уголовный кодекс Эстонской Республики от 06.06.2001 г. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 262 с.

80. Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444. (Акт утратил силу).

81. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

82. Утешева О.О. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность // Развитие молодежной юридической науки в современном мире: Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции 15 мая 2011 г. - Тамбов, 2011. С. 112-117.

83. Федеральный закон от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // СЗ РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

84. Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4831.

85. Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.

86. Федеральный закон от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

87. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

88. Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

89. Фесенко Е. Объект преступления с точки зрения ценностной теории // Уголовное право. 2003. № 3. С. 71-75.

90. Худяков Е.А. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность: Автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. – М., 1967. 23 с.

91. Чернова К.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 26. - Ставрополь, 2011. С. 49-55.

92. Чернова Н.А. Эмоции, связанные с преступлением: понятие, виды, проблемы учёта по уголовным делам: дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2017. 246 с.

93. Brown A. Criminal law and political liberalism // Journal of Criminal Law and Criminology, 2012.

94. Hart H. Criminal law in the modern world. New York, 2010.

95. Miller R. Criminal law and criminal procedure. San Francisco, 2008.

96. Rountree M.M. Criminals Get All the Rights: The Sociolegal Construction of Different Rights to Die // Journal of Criminal Law and Criminology, 2015.

97. Stewart C. Crime and punishment // Journal of Criminal Law and Criminology, 2002.

98. William J. Stuntz. The collapse of American Criminal Justice. 2011.